

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

.....

ПОСЛЕДНИЙ
РУБЕЖ

.....

Найо Марш
Последний рубеж
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48694084
Найо Марш Последний рубеж Роковая ошибка:
ISBN 978-5-17-133153-5

Аннотация

Молодой Рики Аллейн приехал в живописную рыбацкую деревушку Дип-Коув, чтобы написать свою первую книгу. Отсутствие развлечений в этом тихом местечке компенсируют местные жители, которые ведут себя более чем странно: художник чересчур ревностно оберегает свой этюдник с красками, а водопроводчик под прикрытием ночной рыбалки явно проворачивает какие-то темные дела. Когда в деревне происходит несчастный случай – во время прыжка на лошади через овраг погибает мисс Харкнесс, о чьей скандальной репутации знали все в округе, – Рики начинает собственное расследование. Он не верит, что опытная наездница, которая

держала школу верховой езды и конюшню, могла погибнуть таким странным образом. И внезапно исчезает сам...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Найо Марш

Последний рубеж

Ngaio Marsh
LAST DITCH

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского Е. Матвеевой

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Ngaio Marsh Ltd, 1977, 1978

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

НАЙО МАРШ

Найо Марш (1895–1982) – ярчайшая звезда «золотого века» английского детектива, автор 32 романов и множества пьес.

Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.

За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.

Посвящается семейству с фермы «Грецкий орех»

Глава 1

Дип-Коув

Хотя супруги Фарамонд слыли простыми в общении людьми, Рики Аллейн сразу почувствовал, что им присущ некий аристократизм.

Эта мысль посетила его еще до того, как хозяева дома появились в гостиной – большой привлекательно обставленной комнате с лимонно-желтыми стенами, натертым до блеска паркетом и изысканными, небрежно брошенными на пол китайскими ковриками. С противоположных стен друг на друга смотрели два портрета: сердитого джентльмена в военной форме и чем-то недовольной полногрудой женщины с вее-ром. А еще по стенам были равномерно распределены необрамленные рисунки, прищипленные кнопками; один из них вообще имел фривольный, если не сказать неприличный характер.

Рики повернулся к окнам, за которыми море сливалось с небом, и тут в комнату быстрым шагом вошел Джаспер Фарамонд.

– Рики Аллейн! Очень рад. Мы все рады. – Он весело встряхнул гостю руку и жестом пригласил его сесть в кресло. – Вы похожи на обоих родителей. Вдвойне повезло!

Рики смущенно пробормотал, что родители передают са-

мый теплый привет и что они много рассказывали ему о путешествии, которое когда-то совершили вместе с четой Фарамонд.

– Они были ужасно добры к нам, – сказал Джаспер. – Просто не представляете. Хотя сами – знаменитости.

– Они не чувствуют себя знаменитостями.

– Поэтому с ними так приятно общаться. Скажите же, что привело вас на остров и как вам жилье, которое подыскала Джулия?

Чувствуя, что краснеет, Рики ответил, что надеется поработать все летние каникулы, и что комнаты, которые предоставило в его распоряжение одно из семейств в деревне – как раз то что нужно, и он в большом долгу перед миссис Фарамонд.

– О, она обожает заниматься подобными делами. Итак, вы с честью и со всевозможными отличиями преодолели все трудности учебы и теперь в столь юном возрасте можете сами зваться преподавателем?

Рики что-то пробормотал. Джаспер улыбнулся, отчего его небольшой, чуть загнутый книзу нос опустился, а уголки губ приподнялись. Улыбка придавала ему сходство с фавном, а копна густых волос довершала образ.

– Знаю, – сказал он. – Вы пишете книгу.

– Только начал.

– И не хотите пока о ней говорить. Что ж, разумно. А вот и остальные, вернее, некоторые из них.

В комнату вошли двое: молодая женщина и подросток лет тринадцати, чье внешнее сходство с хозяином дома не оставляло сомнений в том, что он тоже носит фамилию Фарамонд.

– Джулия, – объявил Джаспер. – И Бруно. Мои жена и брат.

Джулия была прекрасна. Она поприветствовала с чрезвычайной учтивостью Рики, сияя улыбкой, расспросила его о том, как он устроился, а потом обратилась к мужу:

– Дорогой, у нас тут сюрприз. К нам пришла девушка.

– Какая девушка? Где она?

– С детьми в саду. И у нее будет ребенок.

– Прямо сейчас?

– Разумеется, нет, – рассмеялась Джулия.

Она издавала звуки, похожие на шипение сифона для газированной воды, которое перемежалось неразборчивыми словами. Муж посмотрел на нее с опаской. Бруно захихикал.

– Да что это за девушка? – спросил Джаспер. – И обратился к Рики: – Простите Джулию. У нее что ни день, то очередная драма.

– Просто мы без конца попадаем в какие-то пикантные ситуации, – весело пояснила Джулия. – Если Джаспер прекратит меня перебивать, я все объясню.

– Уже прекратил.

– Мы с Бруно и детьми, – начала Джулия, – поехали на конюшню под названием «Лезерс», хотели узнать, можно ли взять у них лошадей покататься. Конюшню держат Хар-

нессы¹.

– Харкнессы, – поправил ее Джаспер.

– Харкнессы. Мистер и мисс Харкнесс. Дядя с племянницей. Ну, так вот, их не было в конторе и в конюшне. Мы собирались посмотреть на выгоне и тут услышали вой. Вот прямо настоящий вой. А в ответ кто-то ругался грозным голосом. Звуки доносились из закрытого сарая. Можно было разобрать, что мистер Харкнесс угрожает пристрелить кого-то по имени Мунго, потому что тот лягнул рыжую кобылу. Наверное, Мунго – конь. И пока мы там стояли в растерянности, мистер Харкнесс назвал мисс Харкнесс вавилонской блудницей. Ужасно было неудобно. Вот вы бы что сделали?

– Убрался бы оттуда подальше, – ответил Джаспер.

– Из вежливости или из страха?

– Из страха.

Джулия посмотрела на Рики огромными глазами.

– Я тоже, – торопливо сказал тот.

– Ну, возможно, я поступила бы так же из-за детей, но тут вдруг раздался звук пощечины, дверь распахнулась, и из сарая выбежала мисс Харкнесс.

– Харкнесс.

– Ну да, в общем, она вылетела оттуда, промчалась мимо нас и скрылась за домом. А мистер Харкнесс с ремнем в руке стоял в дверях сарая и выкрикивал ей вслед ветхозаветные проклятия.

¹ Harness (англ. «запрягать лошадей»). – Здесь и далее прим. переводчика.

– И что ты сделала?

– Сказала тоном полицейского: «В чем дело, мистер Харкнесс?», и он ушел.

– А потом?

– Мы уехали. Не бежать же мне было за мистером Харкнессом, раз он явно не в духе.

– Он же мог и *нас* ударить, – вставил Бруно по-мальчишески срывающимся голосом.

– А теперь поподробнее о девушке, которая сейчас с детьми в саду. Что-то мне подсказывает, что это мисс Харкнесс.

– Она самая. Мы встретили ее по пути домой. Несчастная стояла на краю утеса, и у нее было такое странное выражение лица... Я остановила машину и заговорила с ней. Оказывается, она на девятой неделе беременности. Думаю, она не признается, кто отец ребенка, потому-то мистер Харкнесс и взялся за ремень.

– А тебе она сказала, кто отец?

– Так сразу? Да и вообще, лучше на нее не давить. Всему свое время. Пойдите поздоровайтесь с ней.

Едва Джулия договорила, как в комнату вошли еще двое Фарамондов: мужчина чуть старше Рики и молодая женщина, очень похожие на Бруно и Джаспера. Их представили как «наши кузены, Луи и Карлотта». Рики сначала подумал, что они брат и сестра, но потом Луи обнял Карлотту и поцеловал в шею. Тогда Рики заметил обручальное кольцо у нее на

пальце.

– Что за девушка там в саду с детьми? – спросила Карлотта Джулию. – Она ведь из конюшни?

– Да, но я не буду пересказывать всю историю заново, ладно, дорогая? Мы собираемся с ней поздороваться, пойдем с нами.

– А мы с ней только что разошлись на узенькой тропинке, так что избежать приветствия не было никакой возможности, – ответила Карлотта.

– Наверное, лучше пригласить ее в дом, – заявила Джулия. – Бруно, дорогой, будь добр, позови сюда мисс Харкнесс. – И добавила ему вслед: – И детей приведи познакомиться с Рики. – Она одарила последнего очаровательной улыбкой. – Видите, какой непростой нас ожидает ланч?

– Ничего, я справлюсь, – ответил тот.

Фарамонды посмотрели на него одобрительно.

– У тебя ведь были вещи примерно такого размера? – обратилась Джулия к Карлотте.

– Как у кого?

– Ну, дорогуша, как у мисс Харкнесс. Разумеется, я имею в виду *нынешний* ее размер. Ограничимся заботами дня сегодняшнего и не будем забегать вперед.

– К чему все это? – требовательно спросила Карлотта. – Что Джулия задумала?

– Да уж поверь, ничего хорошего, – пробормотал Джаспер и обратился к жене: – Ты предложила мисс Харкнесс остатъ-

ся у нас? Не побоялась?

– Ей ведь больше некуда пойти. Не к мистеру же Харкнессу, чтобы он ее побил. В ее состоянии нечего туда и соваться. Ну, сам-то подумай!

– Идут, – сообщил Луи, который все это время смотрел в окно. – Так, я ничего не понял. Она остается на обед?

– Очевидно, и после тоже, – сказала Карлотта. – Джулия вон хочет, чтобы я ей отдала свою одежду.

– Не отдала, а одолжила, – поправила ее Джулия. – Завтра что-нибудь придумаем.

В холле раздались детские голоса. Дверь открыл Бруно, и в гостиную с шумом вбежали две маленькие девочки лет пяти и семи. Обе были в джинсовых комбинезончиках. Они подбежали к матери, которая нежно их обняла и воскликнула с умилением:

– Дорогие мои!

И тут в комнату вошла мисс Харкнесс – девушка с внушительными формами, загрубевшим от солнца лицом и такими мозолистыми руками, что Рики тут же подумал о лошадиных копытах. Слегка припухшие глаза гостьи свидетельствовали о недавних переживаниях, связанных с возникшими в ее жизни осложнениями. На ней были бриджи для верховой езды и клетчатая рубашка.

Пока Джулия представляла ее присутствующим, она переминалась с ноги на ногу, кивала и иногда произносила неопределенное «мм». Фарамонды поддерживали ничего не

значащий разговор, Джаспер поставил на стол поднос с напитками. Рики и Бруно выбрали пиво, хозяева – шерри и белое вино. Мисс Харкнесс низким хриплым голосом сказала, что пригубит виски, и тремя шумными глотками осушила стакан. Луи Фарамонд завел с ней разговор о лошадях – Рики слышал, как он сказал, что пробовал играть в поло, когда был в Перу, но у него плохо получалось.

Рики смотрел на Фарамондов и поражался, какие они все бледные. Будто им, как овощам в парнике, долго не хватало солнечного света. Даже у Джулии – Фарамонд только по мужу – лицо было лишено красок. Однако бледность ей шла – она театрально оттеняла дерзкий взгляд и изгиб рта, делая Джулию похожей на героиню картин Обри Бердсли².

За обедом Рики сидел справа от Джулии; с другой стороны его соседкой оказалась Карлотта. Наискосок от него, рядом с Джаспером и слева от Луи, расположилась мисс Харкнесс с новым стаканом виски с содовой в руке, а напротив нее, по левую руку от своего отца, сидели девочки, Селина и Джульетта. От остальных Фарамондов Луи отличали смугловатый цвет лица и светский лоск – тонкие черные усики, гладко зачесанные назад волосы, шелковистый джемпер. Полуобернувшись к мисс Харкнесс, он вел односторонний разговор, игриво посмеиваясь, в то время как ответом ему было лишь угрюмое выражение лица. Карлотта – жена Луи – вре-

² Обри Бердсли – английский художник-график, иллюстратор, поэт (1872–1898), один из виднейших представителей английского эстетизма и модерна.

мя от времени бросала на него удивленные взгляды.

– Вы видели «нашу Трой»? – обратилась Джулия к Рики, указывая на картину над головой Джаспера.

Рики видел, но не осмеливался заговорить о ней. Картина изображала беседующих мужчину и женщину – они сидели на фоне прогуливающих на сильном ветру людей, чьи яркие фигурки резко вырисовывались на фоне безмятежного неба.

– Мы с Джаспером на борту «Орианы», – пояснила Джулия. – Обожаем эту картину. А вы рисуете?

– К счастью, даже не пытаюсь.

– Может, у вас склонности к работе в полиции?

– И этого тоже нет. Боюсь, я пошел совершенно не в родителей.

– Джаспер у нас – математик, – продолжала его супруга. – Пишет книгу о биноме Ньютона, только не говорите никому, он не хочет, чтоб об этом знали. Селина, дорогая, еще одна такая гримаса, и ты выйдешь из-за стола без клубники со сливками.

Селина растянула пальчиками уголки губ и, хитро прищурившись, уставилась на мисс Харкнесс. После слов матери лицо ее мгновенно приняло нормальное выражение, но потом она откинулась на стуле и сделала вид, что смотрит на всех исподлобья. Ее сестру Джульетту разбирал смех.

– Дети безобразничают и думают, что всем от этого ужасно весело, – пожаловалась Джулия. – Вчера за ланчем Джу-

льетта заладила: «Пудинг из грязи, пудинг из грязи», и они обе хохотали до слез. Нам с Джаспером было очень стыдно.

– Подрастут и станут серьезнее, – заверил ее Рики.

– Надеюсь. – Джулия наклонилась к нему ближе. На Рики, уловившего исходивший от нее аромат, внезапно нашло странное оцепенение. – Пока все идет неплохо, – шепнула она. – Гостья ведет себя тихо.

– И ест с аппетитом, – пробормотал Рики.

Джулия просияла ему в ответ. У Рики резко поднялось настроение.

«Да что со мной такое?!» – удивленно подумал он.

Рики ушел от Фарамондов, чувствуя себя кораблем, который только что отправили в плавание по неизвестным водам.

«Удивительная дама, – думал он по дороге к своему временному пристанищу в деревне. – Очень милая и совершенно удивительная».

II

Рыбацкая деревушка под названием Дип-Коув располагалась в северной оконечности острова и представляла собой кучку домов, рассыпанных по берегу ничем не примечательной бухты. В деревне имелись магазин, почта, паб «Треска и бутылка» и церковь. Когда случался хороший улов, его увозили на фургоне в Маунтджой на южном побережье. Маунтджой – единственный город на острове – был туристическим

центром с тремя маленькими гостиницами. Деревня Дип-Коув (или просто Коув) находилась от него в восьми милях, но туристы из Маунтджоя туда, как правило, не доезжали, поскольку в деревне не было достопримечательностей, да и лежала она в стороне от главной дороги. Наведывались приезжие разве что в «Лезерс» – школу верховой езды, которую держали Харкнессы. Она располагалась в миле от Дип-Коува, а точнее, на полпути между деревней и имением Фарамондов, которое носило название Л'Эсперанс³ и, по словам Джаспера, принадлежало семейству с середины восемнадцатого века. Дом стоял на высоком утесе и в ясную погоду был виден за много миль.

Рики сел на взятый напрокат велосипед, который дожидался его во внутреннем дворике, спустился с холма по тряской тропе, какое-то время смело катил по шоссе, чувствуя, как соленый ветер щекочет ноздри, а затем по резко уходящей вниз дороге направился в Коув.

Дом мистера и миссис Феррант стоял на территории порта; в распоряжении Рики были спальня на втором этаже и крошечная гостиная. Он предпочитал работать в спальне у окна, из которого открывался вид на гавань, узкую песчаную полосу берега и причал с маленькой флотилией рыбацких лодок. Чайки с характерной для этих пернатых настырностью наполняли воздух криками – звуковой фон, типичный для морского побережья.

³ «Надежда» (фр.)

Подъезжая к дому, Рики почувствовал запах пропаренного белья. Во двор вышла миссис Феррант – привлекательная дородная женщина лет тридцати пяти с черными волосами, тщательно собранными в узел, черными глазами и смугловатой кожей. Как и у большинства жителей острова, в ее внешности отчетливо угадывались черты галльских предков.

– А, вы вернулись, – констатировала она. – Чаю хотите?

– Большое спасибо, миссис Феррант, пока нет, – ответил Рики. – Я очень поздно обедал.

– В Л’Эсперанс?

– Верно.

– Наверное, богатый был стол и сервирован прекрасно?

Ее манера речи не поддавалась точному определению. Говорила миссис Феррант почти так же, как жители западных графств, но в словах слышался призывок французского «р».

– Они там хорошо живут, – пояснила она.

– Да, все было очень хорошо, – пробормотал Рики.

– И все были в сборе? Все семейство?

– Наверное. Я точно не знаю, сколько в нем человек.

– Мистер и миссис Джаспер и дети. Еще Бруно, когда он не на учебе.

– Верно, – согласился Рики. – Бруно тоже был.

– И больше никого?

Рики почувствовал себя загнанным в угол.

– Были, – ответил он. – Мистер и миссис Луи Фарамонд.

– А-а, – протянула миссис Феррант, помолчав. – Они.

Рики уже повернулся, чтобы уйти, но она снова спросила:
– И все?

Рики начинала раздражать такая настойчивость.

– Еще была одна гостья, – ответил он и направился к дому.

– Какая? – не сдавалась миссис Феррант.

– Мисс Харкнесс.

– А *она-то* что там делала?

– Обедала, – очень холодно ответил Рики и взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Внизу миссис Феррант хлопнула кухонной дверью.

Рики пытался поработать, но так и не смог – кто же начинает работу далеко за полдень. Так что он выпил два бокала пива. Ему вспоминалось, как Джулия с нежным, как цветок магнолии, лицом говорила о молодой беременной женщине, словно это была лошадь, как Луи Фарамонд флиртовал с гостьей, а Селина строила всем гримасы. Потом вдруг откуда-то возникла миссис Феррант в образе фурии.

– А, вы вернулись, – проговорила она одними губами.

«Сейчас как завопит», – подумал Рики и проснулся.

Полуденное солнце золотило гавань, придавая яркости лодкам и одежде жителей деревни. В группке мужчин у пристани Рики узнал хозяина дома, мистера Ферранта.

Мистер Феррант был местным водопроводчиком и на все руки мастером. Ему принадлежали довольно новая машина и небольшая лодка, которая, помимо паруса, была оснащена мотором. На ней он рыбачил в гавани, а иногда и доволь-

но далеко в море. В целом, Ферранты казались весьма обеспеченной семьей. Глава семьи – крупный мужчина с масляным и, пожалуй, хитроватым взглядом – выглядел довольно привлекательно, благодаря румянному лицу и густым кудрям. Рики подумалось, что он моложе жены, и ей, наверное, приходится за ним приглядывать.

Мистер Феррант что-то живо рассказывал своим собеседникам. Когда он добрался до сути рассказа, слушатели уже складывались пополам от хохота, держа руки в карманах. Постепенно «собрание» стало расходиться. Мистер Феррант повернул к своему дому и, увидев в окно Рики, слегка дернул головой – в Коуве это движение служило приветствием. Рики махнул ему рукой в ответ. Хозяин подошел к дому, хлопнула входная дверь, в коридоре раздались шаги.

Рики решил доставить себе удовольствие и написать благодарственное письмо Джулии Фарамонд. Он сделал несколько попыток, однако письмо выходило то чересчур восторженным, то сухим. В итоге он написал:

«Дорогая миссис Фарамонд!

С Вашей стороны было очень любезно пригласить меня на обед. Мне *все* очень понравилось.

С огромной благодарностью,

Рики.

Р. S. Надеюсь, Ваша гостья удобно устроилась».

Теперь следовало найти в деревне почту и отправить пись-

мо. Рики приехал только вчера вечером и не успел толком осмотреться.

Собственно, осматривать было и нечего. Вдоль берега пролежала центральная улица, а от нее довольно круто вниз по склону расходились маленькие улочки с рядами домов. На углу, по соседству с коттеджем Феррантов, стоял полицейский участок. Единственный магазин под названием «Ткани и предметы обихода» сочетал в себе функции почты, бакалейной и москательной лавок; здесь же продавалась одежда, канцелярские принадлежности и игрушки. Снаружи висели на натянутых веревках бушлаты, матросские куртки, дождевики и свитеры; в темных недрах магазина угадывался остальной ассортимент товаров. Рики неожиданно захотелось что-нибудь купить. Он распахнул дверь и тут же получил удар под дых.

Крутанувшись на месте, он оказался лицом к лицу с пышной копной волос, темными очками, рубашкой в цветочек, бусами и бахромой.

– Ой! – воскликнул Рики, схватившись за живот. – Что это было?

Голос из-под копны сказал нечто неразборчивое, потом его обладатель махнул рукой на свое плечо, с которого на ремне свисал ящичек, странным образом знакомый Рики.

– Я просто выходил, – пробормотал голос.

– Ладно, – произнес Рики. – Ребра вроде целы.

Голос зловеще хохотнул, а его хозяин протиснулся мимо

Рики и с этюдником на плече поковылял прочь.

– Как неаккуратно, – заметил вынырнувший откуда-то из темноты мистер Мерсер – владелец магазина и по совместительству единственный продавец. – Не одобряю я такое поведение. Что вас интересует?

Рики, которому все еще было больно, интересовал синий джемпер-поло с ярлычком «Товары местного производства. Специальное предложение!»

– Хороший свитер, – сказал Рики.

– Да, прекрасная ручная работа, сэр. Миссис Феррант – непревзойденная мастерица.

– Миссис Феррант?

– Ну да, сэр. Вы же у них остановились, верно? Джемпер будет вам точно впору. Примерите?

Рики примерил и купил не только джемпер, но и синюю матросскую куртку, которая превосходно с ним сочеталась, и решил сразу же надеть обновки.

Главная улица заканчивалась у ступенек, ведущих к берегу. Там, перед мольбертом, спиной к Рики стоял тот самый человек из магазина. В руке у него была палитра, у ног лежал раскрытый этюдник.

Сначала художник покрыл холст широкими мазками, которые, казалось, не имели никакого отношения к простиравшемуся перед ним пейзажу. Потом в ход пошла яркая черная краска – на холсте появилась обнаженная женская фигура с несоразмерно маленькими ногами, внушительной зад-

ней частью и без головы. Художник отступил на пару шагов, присмотрелся, затем кинулся к мольберту и набросал гигантскую длинношеюю птицу, вознамерившуюся клонуть обнаженную фигуру. «Леда, – решил Рики. – А птица, соответственно – лебедь»⁴.

Изображение сразу же напомнило ему эскизы из гостиной в Л'Эсперанс. Интересно, что бы сказала об этой картине мать, чья живописная манера была очень далека от академической. По мнению Рики, эскизу не хватало цельности.

Художник, по всей видимости, решил, что картина закончена. Он почистил палитру и сложил ее вместе с кистями в этюдник. Затем выудил откуда-то пачку сигарет и спички, отвернулся от ветра и увидел Рики.

Сначала он вроде бы угрожающе нахмурился – из-за обильной растительности на лице определить его выражение не представлялось возможным. Темные очки придавали ему сходство с какой-нибудь сомнительной личностью с Лазурного берега.

– Здравствуйте еще раз, – сказал Рики. – Надеюсь, вы не против, что я немного понаблюдаю за вашей работой.

Борода и бакенбарды шевельнулись, послышался какой-то глухой звук. Художник открыл спичечный коробок, который оказался пустым.

– Огонька не найдется? – скорее угадал, чем услышал Ри-

⁴ Популярный в живописи сюжет из древнегреческого мифа, изображающий Леду, супругу царя Спарты Тиндарея, соблазненную Зевсом в образе лебедя.

ки.

Он спустился по ступенькам и протянул художнику свою зажигалку. Воспользовавшись ею, тот снова принялся складывать принадлежности.

– Как вам здешние места? – спросил Рики, пытаясь найти какую-то тему, которая не вызвала бы в собеседнике враждебности. – Тут так и хочется творить, например, пейзажи писать, да?

– Только не какие-нибудь дурацкие картинки, – ответил голос. – Здесь чувствуется мощь, меня такое больше вдохновляет.

– А не мог ли я видеть ваши работы в Л’Эсперанс – у Фарамондов?

Художник вновь остановил на Рики долгий взгляд, потом сказал:

– На днях я продал несколько работ одной женщине. На уличной выставке в Маунтджое. Бледная такая женщина с черными волосами. Болтала много, конечно, да они все такие. Но, вообще говоря, ничего так дамочка, я бы за ней приударил.

Рики захотелось пнуть художника.

– Ладно, – сказал он. – Я пойду.

– Вы тут остановились?

– Да.

– Надолго?

– Не знаю, – ответил Рики, собираясь уходить.

Похоже, художник был из тех людей, чья потребность выказать собеседнику свое расположение возрастает пропорционально снижению заинтересованности со стороны последнего.

– А куда торопитесь-то?

– Поработать надо.

– *Поработать?*

– Именно. Доброго вечера.

– Вы ведь пишете, да?

– Пытаюсь, – сказал Рики, не оборачиваясь.

– Гил Феррант так и сказал. Что пишете.

Рики ничего не ответил. Всю обратную дорогу он размышлял о том, что, по всей видимости, уже вся деревня знает и где он остановился, и что пытается писать.

Так что он пошел в коттедж и в очередной раз сел за работу.

Персонажи у него уже были. И отношения между ними он продумал, а вот куда их поместить – не знал: они то топтались на месте, то слонялись без дела. Рики захотелось добавить еще одного персонажа – женщину с нежной, как цветок магнолии кожей, черными волосами и глазами и заразительным смехом.

Миссис Феррант принесла ужин на подносе в гостиную наверху. Рики спросил ее про художника, и она небрежно и резковато ответила, что его зовут Сидни Джонс, и у него «ужасная старая конура» у Рыбачьей лестницы.

– Так он местный?

– Иностранец. Но в Коуве уже давно околачивается.

– Вам нравятся его картины?

– Да мой Луи лучше намалюет, – фыркнула она.

Луи был ее десятилетним сыном-сорванцом.

Уже выходя с пустым подносом из комнаты, миссис Феррант заметила:

– Какой у вас странный старомодный джемпер.

– А мне кажется – отличный, – громко сказал Рики ей вслед.

В ответ ему хмыкнули и сказали что-то по-французски.

Сытый и довольный, Рики зажег трубку и отправился в «Треску и бутылку». Никто и никогда не пытался добавить лоска этому заведению – старый паб пребывал в своем первоизданном виде. Единственным украшением служили пожелтевшие фотографии местных знаменитостей и карта острова. На стене висела утыканная дротиками мишень для игры в дартс, а на столе в глубине бара лежала доска для игры в «Толкни монетку»⁵. В огромном камине полыхала охапка плавника, отчего в пабе приятно пахло дымком.

Бар был полон посетителей, табачный дым смешивался с пивными парами. Спиной к барной стойке стоял Феррант, вальяжно опершись об нее локтем и явно красуясь перед

⁵ Shove-ha’penny – традиционная для британских пабов настольная игра, в которой используются монеты достоинством в полпенса или металлические диски. Разновидность шафлборда.

приятелями. Увидев Рики, он поднял пивную кружку и, как обычно, слегка кивнул.

Бармена и по совместительству хозяина «Трески и бутылки» звали Боб Мэйстр. Он эффектно подал Рики заказанную пинту.

Рики направился к свободному стулу в углу. Сидя там, можно было сохранять позицию наблюдателя. Заслонявшие обзор игроки в дартс закончили партию и перешли в бар. Рики, к своему неудовольствию, увидел за дальним столиком в углу Сидни Джонса – художника – с кружкой пива и поспешил отвернуться, пока тот его не заметил.

Между ними встали новые посетители: рыбаки, судя по разговору. Феррант отделился от стойки бара и вразвалочку приблизился к ним. Завязался разговор, по большей части неразборчивый; к тому же в речи старших жителей острова по-прежнему слышались отголоски давно исчезнувшего нормандского диалекта.

Наконец Феррант оставил своих собеседников и подошел к Рики.

– Добрый вечер, мистер Аллейн, – сказал он. – Знакомьтесь с жизнью острова?

– Надеюсь познакомиться, мистер Феррант.

– Не слишком ли у нас тут тихо?

– Мне это и нравится.

– Нравится? Надо же.

Говорил Феррант одновременно шутливо и безразлично.

Он постоял с Рики минуту или чуть больше и раза два картинно приложился к пиву.

– Ну, ладно, хорошего тогда вечера, – сказал он наконец, повернулся и очутился лицом к лицу с мистером Сидни Джонсом.

– Глядите-ка, кто к нам пожаловал! – От души хлопнув Джонса по спине, Феррант вернулся к своим приятелям.

Мистер Джонс, по всей видимости, не признавал никаких условностей этикета. Он уселся за столик Рики, вытянул ноги и уставился куда-то в пустоту. Возвращение Ферранта к стойке бара было встречено громким хохотом, заглушившим какие-то слова, которые произнес Джонс.

– Извините, – сказал Рики. – Не расслышал, что вы сказали, – он подался вперед.

– В конуру мою заглянуть не хотите? – пробился сквозь шум голос.

Этого Рики сейчас хотелось меньше всего.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил он. – Я бы хотел взглянуть на ваши работы как-нибудь в один из дней, если позволите.

– Не «в один из дней», а прямо сейчас, – произнес Джонс, подражая акценту Рики.

– Сейчас? – сказал Рики, пытаясь потянуть время. – Ну...

– У меня не заразно, – ухмыльнулся тот. – Если вас это пугает.

«Ну вот, – подумал Рики. – Теперь еще и обиделся. Ну

что за надоедливый тип».

– Что вы, приятель, я ни о чем таком и не думал.

Джонс допил свою пинту и поднялся с места.

– Вот и правильно. Тогда пошли? – сказал он и, даже не взглянув на Рики, вышел из бара.

На улице было темно и зябко – с моря дул резкий ветер; вокруг фонарей на пристани стоял туманный ореол. В мол ударяли высокие волны.

В полном молчании Джонс и Рики дошагали до того места на берегу, где художник писал днем. Потом свернули налево в темноту и начали подниматься по нескончаемым мокрым, разбитым ступеням между коттеджей, которые постепенно редели, а потом исчезли.

Поскользнувшись, Рики едва не упал, но успел схватиться за мокрую грязную траву.

– Что, крутовато для вас? – сказал мистер Джонс, кажется ухмыльнувшись при этом.

– Нисколько, – бодро ответил Рики.

– Осторожно. Я пойду первым.

Они вышли на очень мокрую и очень неровную тропу. Теперь Рики видел перед собой только фигуру Джонса в тусклом отсвете грязных окон.

Неожиданно совсем рядом кто-то всхрапнул и затопал.

– Это еще что такое?! – воскликнул Рики.

– Лошадь.

Невидимая лошадь шумно вздохнула.

Впереди показались окна и дверь. Джонс пнул дверь, и та со скрипом отворилась. Сзади она была завешена какой-то грязной тряпкой, изображающей портьеру.

Не пригласив Рики войти, да и вообще ничего не сказав, Джонс исчез внутри. Рики шагнул за ним и, к своему немалому удивлению, оказался лицом к лицу с мисс Харкнесс.

Глава 2

Конура Сидни Джонса и Маунтджой

Голосом, который показался ему совершенно чужим, Рики промямлил:

– О, здравствуйте! Добрый вечер. Снова встретились.

Мисс Харкнесс посмотрела на него с презрением.

– Мы встречались за обедом в Л’Эсперанс сегодня.

– Надо же, – произнес Джонс с крайним отвращением, потом обратился к мисс Харкнесс: – Какого черта ты там делала?

– Никакого, – пробубнила та. – Зашла и почти сразу ушла.

– Да уж, надеюсь. У них там что, мои картины висят?

– Ага.

Джонс хмыкнул и исчез за дверью в противоположной стороне комнаты. Рики попытался завязать разговор с мисс Харкнесс, но безуспешно. Она буркнула что-то еле слышно и отошла к проигрывателю, поставив какую-то какофонию.

Вернувшись, Джонс плюхнулся на некое подобие тахты, накрытой чем-то вроде лошадиной попоны. Вид у него был необъяснимо взволнованный.

– Садитесь! – рявкнул он Рики.

Рики попытался сесть на стул, однако не рассчитал и сел

слишком близко к краю, отчего стул с глухим стуком опрокинулся, а Рики очутился в нелепой позе — колени около ушей. Джонс и мисс Харкнесс расхохотались. Рики вынужденно к ним присоединился, и они тут же замолкли. Тогда он вытянул ноги и огляделся.

Насколько можно было рассмотреть в тусклом свете двух грязных ламп, они сидели в гостиной ветхого коттеджа. Угол, где распластался Рики, почти полностью занимала скамейка, загроможденная художественными принадлежностями. Вдоль стен были расставлены картины; для одной из них, очевидно, послужила музой мисс Харкнесс или ее бриджи, выписанные с неожиданной реалистичностью. Остальное пространство комнаты занимали диван-кровать, стулья, грязный умывальник, цветной телевизор и стереопроигрыватель. Знакомый резкий запах скипидара, масляных красок и свинцовых белил перебивал вонь канализации.

Рики начал задавать себе вопросы, на которые не было ответа. Почему мисс Харкнесс не осталась в Л'Эсперанс? Не Джонс ли отец ее будущего ребенка? Откуда в донельзя запущенном доме цветной телевизор и стереопроигрыватель? Хорошие у Джонса картины или плохие?

Как будто в ответ на последний вопрос, Джонс встал и начал выставлять на мольберт одну за другой картины, очевидно желая продемонстрировать их гостю.

Рики была хорошо знакома эта процедура. Сколько он себя помнил, к матери всегда приходили, заручившись чьей-то

рекомендацией или же просто набравшись наглости, начинающие художники, желающие представить свои работы на ее суд. Рики хотелось думать, что он умеет правильно оценивать картины, однако он так и не научился легко и непринужденно рассуждать о живописи, а встречавшиеся ему художники – как хорошие, так и плохие – были на редкость косноязычны. Так что странное молчание мистера Джонса, возможно, объяснялось характерной особенностью профессии.

Но что обычно говорила Трой, мать Рики, о картинах? Похоже, Джонс не ограничивал себя рамками какого-то одного стиля. Изображение с натуры переходило в абстракцию, абстракция в коллаж, коллаж в сюрреализм. Рики буквально слышал сухие слова матери: «Боюсь, работы так себе, бедняга».

Выставка и концерт популярной музыки подошли к концу, а с ними закончилось и воодушевление Джонса. Наступила полная тишина, и Рики почувствовал, что должен хоть что-то сказать.

- Большое спасибо, что показали мне свои работы.
- Да уж не за что. – Джонс подавил зевок. – Ясно же, что вы их не поняли.
- Мне жаль.
- Да мне плевать на самом деле. Курите?
- То, что вы, похоже, имеете в виду, не курю.
- А я ничего не имел в виду.

– Значит, я ошибся, – сказал Рики.

– И что, никогда таким не баловались?

– Нет.

– Воспитание, что ли, не позволяет?

– Да хоть бы и так. – Не без труда Рики поднялся на ноги.

Мисс Харкнесс лежала на тахте, возможно, даже спала.

– И что, вкусам своим никогда не изменяете?

– А зачем? Лучше проверенное старое...

– Вы хоть видели что-нибудь, что лежит за пределами вашего мирка?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, не знаю, – протянул Джонс. – Да хоть работы Трой, например. Вы вообще знаете, кто это такая?

– Послушайте, – сказал Рики. – Хотя вы все равно подумаете, что я не признался раньше из вредности, но да, я очень хорошо знаю, кто такая Трой. Она, нет... придется все же сказать... она – моя мать.

У Джонса отвисла челюсть. Об этом можно было судить по резкому движению бороды вниз. Еще у него непроизвольно дернулись ноги и руки. Он взял большой тюбик краски и принялся делать вид, что тщательно изучает надпись на нем, потом сказал неестественно звонким голосом:

– Откуда я мог знать.

– Конечно, не могли.

– Вообще-то, у меня уже прошел период восхищения ее работами. Вы, конечно, со мной не согласитесь, но, пожалуй,

она исписалась.

– Неужели?

Джонс бросил тубик на пол, и Рики тут же его поднял.

– «Джером и К°», – прочел он. – Новая фирма? Кажется, они присылали матери образцы. Вы их из Франции выписываете?

Джонс забрал у него краску.

– Я в основном пишу акриловыми.

– Что ж, – сказал Рики. – Отправляюсь-ка я спать, пожалуй. Спасибо еще раз, что пригласили в гости.

Они поглядели друг на друга, словно два совершенно разных представителя фауны в зверинце.

– Так или иначе, – подытожил Рики, – в одном мы точно сходимся: оба говорим по-английски.

– Вы уверены? – произнес Джонс и, помолчав, добавил: – А, к черту разногласия, давайте по пивку.

– Не откажусь, пожалуй, – согласился Рики.

II

Если сказать, что общение в конуре Джонса проходило гладко, то такая характеристика тех странных ночных «посиделок» не вполне соответствовала бы действительности, но по крайней мере тон разговора стал менее враждебным. Джонс пришел в приподнятое расположение духа и сообщил Рики, что тот может называть его Сид. Художника обурева-

ло желание узнать больше о матери Рики, ее методах работы и прозондировать щекотливый вопрос – берет ли она учеников. Рики такая перемена в поведении хозяина одновременно и радовала, и раздражала.

Мисс Харкнесс не принимала участия в разговоре, а мрачно подносила банки с пивом, да и сама употребила изрядное его количество. Лошадь, от которой Рики шарахнулся в темноте, принадлежала ей. Значит, она не собиралась ночевать у Сиды, а планировала впотьмах преодолеть путь до конюшен и даже (неужели она на такое решится?) до Л'Эсперанс, хотя, по-видимому, не очень-то нуждалась в покровительстве Фарамондов.

К полуночи Рики узнал, что Сид родился в Новой Зеландии – это отчасти объясняло специфическую манеру речи. Родные пенаты он оставил, когда ему было семнадцать лет, в этой дыре живет уже год и подрабатывает разнорабочим в «Лезерс» – конюшне, которую держало семейство мисс Харкнесс, и откуда ее саму, похоже, выдворили.

– Навоз выгребает, – заметила мисс Харкнесс в единственном за все время порыве словоохотливости. А затем почему-то разразилась громким смехом, похожим на лошадиное ржание.

Еще выяснилось, что Сид периодически навещается в Сен-Пьер-де-Рош – ближайший порт на нормандском побережье, куда еженедельно ходит паром.

В четверть первого Рики покинул «конуру», сделал шагов

шесть в темноте и плюхнулся лицом в грязь. Где-то рядом заржала – очевидно, от испуга – лошадь мисс Харкнесс.

Деревня крепко спала под звездным небом, шумел прибой, не заглушаемый гулким стуком резиновых подошв по мощеной набережной. Где-то в гавани подскакивал на волнах одинокий фонарь – наверное, мистер Феррант предается своему хобби: ночной рыбалке. Рики остановился посмотреть и понял, что фонарь горит ближе, чем ему казалось, и постепенно приближается к берегу. Слышался ритмичный плеск весел.

На берегу стояла старая скамья. Рики решил сесть и подождать мистера Ферранта, если это и вправду он. Фонарь исчез за дальним концом пирса. Борт лодки глухо стукнул о причал, затем кто-то стал убирать весла и переставлять какие-то предметы. Потом на берегу, привязав лодку, возник человек с фонарем и вещевым мешком на спине. Он зашагал вдоль причала. Разглядеть, кто это, не получалось из-за расстояния.

Рики уже хотел пойти навстречу, но тут, будто по мановению волшебной палочки, рядом с незнакомцем возник еще один человек. Рики остался сидеть на скамье в темноте.

Человек поднял фонарь повыше, и Рики увидел его лицо. Это и в самом деле был Феррант, освещенный светом фонаря, словно персонаж с картины Рембрандта – золотым ореолом. Рики сидел очень тихо, чувствуя, что обнаруживать свое присутствие не стоит. Феррант со спутником направи-

лись в его сторону. Феррант произнес что-то неразборчивое, а его собеседник ответил с неместным выговором:

– Ладно, только осторожно. Спокойной ночи.

На этом они расстались. Незнакомец быстро пошагал к повороту, ведущему к шоссе, а Феррант перешел дорогу и направился к своему дому.

Рики неслышно шмыгнул за ним. Феррант стоял к нему спиной – вставлял ключ в замок.

– Доброе утро, мистер Феррант, – сказал Рики.

Мистер Феррант резко обернулся, выставив вперед весло.

– Простите, – пробормотал Рики, не ожидавший столь резкой реакции. – Не хотел вас напугать.

Феррант буркнул что-то по-французски и еле слышно рассмеялся.

– Искали ночных развлечений? В Коуве с этим туго.

– Я был у Сида Джонса.

– Надо же, – удивился Феррант. – Подумать только. – Он открыл дверь и пропустил Рики вперед. – Что ж, спокойной ночи, мистер Аллейн.

Войдя в дом, Рики услышал где-то вдалеке звук мотора. Автомобиль взбирался по крутому склону на выезде из Дип-Коува. И только тут Рики сообразил, что второй человек с пристани – Луи Фарамонд.

Дом погрузился в темноту. Рики тихонько поднялся к себе. Еще не успев захлопнуть дверь в спальню, он услышал, как где-то совсем рядом закрылась другая дверь.

Какое-то время Рики лежал, слушая шум прибоя, потом задремал, и ему приснилось, что персонажи его будущей книги обрели черты Фарамондов, Сидни Джонса, мисс Харкнесс и Феррантов, так что было не разобрать: какие из них выдуманные, а какие настоящие.

Утро выдалось холодным и ясным; дул мартовский ветер. Миссис Феррант подала к завтраку кефаль – видимо, ночной улов мужа.

В десять утра Рики решительно принялся за работу. Он писал от руки; каждое слово давалось мучительно. И почему у него никак не получается заранее продумать, о чем писать? Раз или два показалось, что в голове забрезжил какой-то сюжет. Один из персонажей, женщина, выделялась из всех, о ней так и хотелось написать. По прошествии значительного времени он понял, что имеет дело с Джулией Фарамонд.

К удивлению Рики, прошло два часа. Он размял руку и набил трубку.

В окно ударила россыпь мелких камешков. Рики выглянул на улицу – внизу, задрав голову, стоял Джаспер Фарамонд.

– Доброе утро, – проголосил он альтиком. – К вам можно? Или я нагло нарушил творческое уединение?

– Конечно, можно. Заходите.

– Я на минутку.

Слышно было, как миссис Феррант прошла по коридору и открыла дверь, а потом на лестнице раздался голос Джас-

пера:

– Спасибо, Мари. Я знаю, куда идти.

Рики вышел к лестнице и смотрел, как Джаспер поднимается к нему. Тот делал вид, что подниматься ужасно тяжело: раскачивался из стороны в сторону, топал ногами.

– О, антураж соответствующий! – сказал он, запыхавшись. – Лестница на чердак и писатель, затворившийся от мира. Главное, голодом себя не заморите. Можно войти?

Уверенно, словно он уже не раз тут бывал, Джаспер уселся на кровать и махнул рукой в сторону стола со стопкой бумаги.

– Что ж, вид многообещающий.

– Само место многообещающее, – дружелюбно отозвался Рики. – Я очень вам благодарен за то, что вы мне его подыскали. Ходили по деревне и инспектировали лестницы?

– Нет-нет, Джулия предложила сразу заглянуть к миссис Феррант.

– Вы с ней знакомы?

– Она работала в Л'Эсперанс до того, как вышла замуж. Так что мы давние друзья, – пояснил Джаспер.

Рики подумал, что, пожалуй, этим объясняется любопытство миссис Феррант.

– А я с приглашением, – продолжал Джаспер. – Надумали съездить в Маунтджой в субботу – поужинать и прогуляться, и вот не знаем, удастся ли уломать вас поехать с нами.

– Поеду с удовольствием, – сразу ответил Рики.

– Мы вам симпатичную спутницу подберем.

– Не мисс Харкнесс, надеюсь?

– А кстати, о мисс Харкнесс! – взволнованно воскликнул Джаспер. – Тут такое случилось, прямо трагедия. Она исчезла!

– Когда?

– Вчера вечером. Перед ужином. Проскользнула к выходу и больше не появлялась. Бруно волнуется, как бы с утеса не прыгнула – даже подумать страшно о таком!

– Можете не волноваться, не прыгнула, – заверил его Рики и подробно рассказал про вечер с Сидом Джонсом и мисс Харкнесс.

– Ну надо же! – удивился Джаспер. – До чего нелюдима девушка! Не сомневаюсь, что художник и есть причина ее позора и отец ребенка. А что он собой представляет? Что вы можете сказать о его работах, например?

– Вам лучше судить. Некоторые из них висят у вас в гостиной.

– Я так и знал! – театрально вскричал Джаспер. – Еще одна находка Джулии! Она купила эти картины на уличной ярмарке в Маунтджое. Сейчас я ей расскажу... – Джаспер энергично поднялся с кресла. – Вот умора! Нет, лучше вместе расскажем.

– А где она?

– Внизу, в машине. Пойдемте, повидаетесь с ней.

Теперь Рики не мог думать ни о чем другом, кроме как о

том, что Джулия совсем рядом. Он последовал за Джаспером вниз по лестнице, и сердце его при этом колотилось, как от быстрого бега.

Внизу стоял роскошный спортивный автомобиль, и Джулия выглядела под стать ему – сногсшибательно и экстравагантно. Она сидела на водительском месте, положив руки на руль – края перчаток загнулись, обнажив изящные запястья. Джаспер тут же принялся рассказывать ей о мисс Харкнесс, призывая Рики в свидетели. А тот поражался тому, как заинтересованно Джулия слушает, и тому, насколько Фарамондам присущ этот всепонимающий вид. Интересно, теряют энтузиазм они так же быстро?

Выслушав ответы Рики на интересующие ее вопросы, Джулия заметила:

– Как раз тот случай, когда подобное притягивает подобное. Они оба постоянно молчат, будто воды в рот набрали. Не сомневаюсь, что она у него и поселилась.

– А я бы не был в этом так уверен, – возразил Рики. – У нее там лошадь расхаживала в темноте.

– Вряд ли она бы так на ночь лошадь оставила, так что, пожалуй, это был краткий визит, – сказал Джаспер.

– Странно даже представить, что мисс Харкнесс под утро разъезжала по Коуву, – сказала Джулия. – Надеюсь, она вас не разбудила.

– Наверное, мимо моего окна она не проезжала.

– Ну ладно, – подытожила Джулия. – Мне что-то надоело

обсуждать мисс Харкнесс. Плохо, что она так невежливо поступила с нами – просто ушла, ничего не сказав.

– Было бы хуже, если бы она осталась, – заметил Джаспер.

Раздался стук ботинок по мощеной улочке – сын Ферранта Луи бежал домой из школы. Увидев автомобиль, он замедлил шаг и пошел задом наперед.

– Привет, Луи, – поздоровался с ним Рики.

Мальчик не ответил. Темные миндалевидные глаза зыркали на Рики с бледного лица под копной темных волос. Он медленно попятился, повернулся и неожиданно припустил по улице.

– Это юный Феррант, – сказал Рики.

Секунды две они смотрели вслед мальчику, потом Джаспер заметил вскользь:

– Надо же! Будто только вчера его мать была у нас то ли кухаркой, то ли горничной.

– Я ее уже не застала, – промолвила Джулия. – А вообще, она прекрасная прачка и до сих пор нас обстирывает. Дорогой, мы задерживаем Рики. Может, мы ему помешали написать какую-нибудь гениальную фразу. Здорово, что вы сможете поехать с нами в субботу, Рики!

– Заедем за вами ближе к восьми! – прокричал ему Джаспер, торопливо сядя в машину.

Они уехали, а Рики поднялся к себе в комнату. Но к работе вернулся не сразу. Казалось, он привел с собой Фарамондов, а с ними малыша Луи Ферранта, так что комнату

заполнили люди с бледными лицами, черными волосами и умными смоляными глазами.

III

Маунтджой составлял такой контраст с Коувом, словно находился на другом острове и вообще в другом море. Бывшая французская рыбацкая деревушка со временем превратилась в модный курорт со стоянкой для яхт, яхтенным клубом, серфингом, полосатыми зонтиками и, самое главное, — знаменитым отелем «Маунтджой» с бальным залом, стеклянный купол и многочисленные окна которого сверкали на солнце и были видны издалека. Здесь заказывали дорогие ужины и танцевали под знаменитый оркестр, и именно здесь субботним вечером за столиком у окна сидели Фарамонды, Рики и девушка по имени Сьюзи де Уэйт.

Ели лобстера и салат, пили шампанское. Рики разговаривал и танцевал со Сьюзи, как от него и ожидалось, стараясь не слишком часто смотреть на Джулию Фарамонд.

Джулия выглядела обворожительно и то и дело рассыпалась искристым смехом. Еще в Л'Эсперанс Рики заметил, что за столом она ведет себя весьма свободно и ест очень торопливо. Иногда она облизывала пальцы. Однажды, глядя на нее за этим занятием, Рики поймал на себе веселый взгляд Джаспера.

– За столом Джулия ведет себя чуть лучше дрессирован-

ной мартышки, — пошутил он.

— Дорогой, — отозвалась Джулия, махая рукой, пальцы которой она только что облизала, — я люблю тебя больше жизни.

«Вот бы она на меня так смотрела», — подумал Рики.

И она тут же посмотрела, из-за чего его неопытное сердце заколотилось в груди, и он покраснел до кончиков волос.

Рики считал, что вполне освоился в этом действе под названием жизнь, однако сейчас ему казалось, что все события, которые происходили прежде, были чем-то вроде реплик, призванных заполнять паузы перед появлением на сцене настоящей звезды. И такой звездой, без сомнения, была Джулия.

Сейчас она вальсировала с кузеном Луи. Танцором тот был умелым, и Джулия следовала за ним безо всяких усилий. Они не разговаривали во время танца, а просто красиво кружились, словно плыли над залом.

Рики подумал, что, пожалуй, не так-то уж ему и нравится Луи Фарамонд. Весь какой-то прилизанный. Да и вообще, что он делал в Коуве в час ночи?

Свет почти полностью выключили. Сверху опустились сотни воздушных шаров, светящихся в ультрафиолете, и теперь они покачивались под куполом, как сверкающие мыльные пузыри. Оркестр играл так тихо, что музыка походила на шепот волн за окнами. Танцевавшие под музыку пары напоминали серые тени на экране ненастроенного телевизора.

– Потанцуем? – обратился Рики к Сюзи де Уэйт.

Однажды мать сказала ему, что успех отца в качестве следователя во многом обусловлен его умением вызвать человека на откровенность.

– Поразительно, – говорила она. – Почти никто не может ему сопротивляться.

– А ты?

– Сопротивлялась, – ответила Трой. – Но недолго.

Итак, Рики попросил Сюзи де Уэйт рассказать о себе и удивился тому, с какой готовностью она отозвалась на его просьбу. Не менее удивительно было то, какими неинтересными оказались ее откровения.

А потом вечер вдруг заиграл новыми красками. К ним подошли Джулия и Луи.

– Рики, если вы сейчас же не потанцуете со мной, я обижусь, – сказала Джулия.

И вот она в объятиях Рики. Над головой будто бы кружились звезды, в ушах пел прибой, и весь вальс Рики пребывал в состоянии блаженства.

Уезжали они в два ночи в большом автомобиле, принадлежащем, по всей видимости, Луи Фарамонду. Вел он сам, рядом с ним сидели Сюзи де Уэйт и Бруно. Рики оказался на заднем сиденье, между Джулией и Карлоттой, а Джаспер сидел на откидном сиденье лицом к ним.

Когда выехали на дорогу в Коув, Луи спросил Сюзи, не хочет ли она порулить, и когда она с восторгом согласилась,

обнял ее за плечи. Она пересела за руль.

– А это безопасно? – спросила Карлотта. – Она сможет?

– Ой, как здорово! – затараторила Сюзи. – Безопаснее некуда. Клянусь! Ой! Простите!

«Ну что за дурочка», – подумал Рики.

Джулия взяла Рики и Карлотту за руки.

– Прекрасный вечер, да? – она легонько постучала костяшками их пальцев друг об друга. – Вам понравилось?

Рики ответил, что очень. Рука Джулии по-прежнему покоилась в его руке. Рики хотел галантно поцеловать ей руку прямо на глазах у мужа, но не решился. Джулия легонько сжала его руку, отпустила, потом подалась к мужу и поцеловала его.

– Милый, – протянула она. – Ты у меня просто чудо! Посмотрите, Рики, вон там конюшня «Лезерс», где работает мисс Харкнесс. Надо будет нам съездить с ней на конную прогулку, пока не поздно.

– Что значит «пока не поздно»? – спросил ее муж.

– Потом мисс Харкнесс не сможет предаваться таким упражнениям, разумеется. А вдруг она специально их продолжит? Нет, это было бы так глупо с ее стороны, даже слов нет, как глупо, – сказала Джулия, посерьезнев.

Сюзи взвизгнула, потом захихикала – автомобиль дернулся вперед, выдвинувшись на середину дороги.

– Луи, твои выходки сейчас неуместны, – резко сказала Карлотта.

Луи пошловато хохотнул, крепче обнял Сюзи и накрыл своей ладонью ее руку, лежащую на руле.

– Аккуратнее. Будь хорошей девочкой и больше не шали.

Они подъехали к крутому спуску, за которым начинался Коув. Луи повел сам, на скорости съехал вниз и подрулил к коттеджу Феррантов.

– Вот и обитель прекрасной смуглянки Мари, – сказал он. – Она все так же смугла и прекрасна, кстати?

Никто не ответил.

– А дети у нее есть? О, конечно, я и забыл.

– Заткнись, – осадил его Джаспер таким тоном, какого Рики раньше не слышал.

Все пожелали Рики доброй ночи. Он закрыл дверцу так тихо, как только мог, и отступил в темноту. Луи развернулся очень резко и быстро и выкрикнул: «Передай, что я ее люблю!» Автомобиль, натужно рыча, пополз вверх по склону.

Стоя на верху темной лестницы, Рики услышал громкий храп Ферранта и представил, как тот – румяный и рыжеволосый – спит с широко открытым ртом. Очевидно, этой ночью он на рыбалку не ходил.

IV

В своей студии в Челси Трой сунула письмо сына в карман рабочей блузы и сообщила:

– Он увлекся Джулией Фарамонд.

– Теперь ею, значит, – отозвался Аллейн. – Прямо так и пишет?

– Нет, но умудрился вставить ее имя чуть ли не в каждое предложение. Сам посмотри.

Аллейн читал письмо сына, приподняв бровь.

– Да, вижу, – сказал он спустя некоторое время.

– Что ж, – пробормотала Трой. – Одна девушка, другая, а потом, если повезет, та самая, единственная и очень хорошая. А эта Джулия очень привлекательна, да?

– Ну, хотя бы не как те, с грязными ногами, в джинсах и с браслетами, окунающимися в суп.

– Значит, красивая, – заключила Трой.

– Ему может надоесть ее очаровательная импульсивность.

– Думаешь?

– На мой взгляд, да. Похоже, они с ним довольно много носятся. Мило с их стороны. – Аллейн усмехнулся и продолжил читать в тишине.

– Как думаешь, почему они живут на этом острове? – спросила Трой.

– Налоговая уловка. Да и жить предпочитают своим кланом, обособленно. Те двое тоже там.

– Кузены, которые подсели к нам в Акапулько?

– Ага.

– Луи и его жена живут с семьей Джаспера?

– Похоже на то. – Аллейн перевернул страницу. – Даже если парню и вскружили голову, на манере письма это не от-

разилось.

– Рори, хорошо ли у него получается? Тебе любопытно?

– Конечно, любопытно, – сказал он, подходя к ней.

– Бывает, поначалу туго идет.

– А ты сама разве через такое не проходила?

– Ну, если подумать, – заметила Трой, выдавливая на палитру белила, – то да. Я не рассказывала родителям о моих поклонниках и картины свои не показывала. Понятия не имею, почему.

– Зато мне все рассказала, когда я впервые тебя увидел. Ну, о картинах.

– Неужели? Да нет же. Брось! – рассмеялась Трой и прижалась за работу.

– Новые краски? «Джером и К°»? – спросил Аллейн, беря в руки тюбик.

– Прислали бесплатно. Наверное, надеются, что буду всем расхваливать. Белила и земляная палитра еще ничего, но основные цвета так себе. Странно, что Рик про них пишет, да?

– Рик? Где?

– Ты еще не прочитал про его нового друга-художника и беременную всадницу.

– Да боже ты мой! – Аллейн крикнул и вернулся к письму. – А ведь хорошо пишет, – сказал он, закончив чтение. – Очень хорошо, дорогая. Я серьезно.

Трой положила палитру, обняла мужа и прижалась головой к его плечу.

– Мы еще будем им гордиться, да? Но какое странное совпадение, не находишь? Я про краски «Джером и К°».

– Да, пожалуй, странно, – согласился Аллейн.

V

Наутро Рики извинился перед миссис Феррант за шумное возвращение из города в столь поздний час, и хотя ему отчетливо помнился громкий храп мистера Ферранта, он все же выразил опасение, что шум мог потревожить сон хозяина дома.

– Да он от такого нипочем не проснется, – ответила миссис Феррант, которая никогда не называла мужа по имени. – Вот вас я слышала. Точнее, не вас, а его, Фарамонда-старшего. – Она как-то странно посмотрела на Рики. Как именно, он понять не мог: насмешливо? вызывающе? хитро? Кухарке такие взгляды не свойственны. Словно перед Рики приподнялась некая завеса – и тут же опустилась, а что за ней, рассмотреть не удалось.

В течение недели он не виделся с Фарамондами, если не считать одного любопытного происшествия в четверг вечером. Чувствуя потребность изменить привычный маршрут, Рики по крутому подъему выехал на дорогу в Маунтджой и, немного не доезжая до Л'Эсперанс, оставил велосипед на обочине, а сам пошел к утесу.

Вечер был чудесный, на голубых водах пролива играли

солнечные блики. Молодой человек прислонился спиной к теплому камню. С утеса открывался вид на овраг, по дну которого между кустов ракитника вилась тропинка к морю. В воздухе стоял пряный аромат, на губах чувствовался привкус соли. Пел жаворонок, и Рики представилась живописная картина, как по тропинке между кустов ракитника поднимается очаровательная девушка с беззаботным лицом, озаренным блеском солнца.

Однако вместо девушки на тропинке появился Луи Фарамонд. Он поднимался в гору, размахивая руками и глядя под ноги.

Не желая встречаться с ним, Рики юркнул за камень и припал к земле. Луи прошел с другой стороны утеса. Сам не понимая, почему он так себя ведет, Рики лежал и ждал, когда затихнут шаги.

Молодой человек уже собирался встать, как вдруг по тропе скатился кем-то потревоженный камень. Внизу показались голова и плечи. Несмотря на неудобный ракурс, Рики сразу же понял, чьи они. Он снова спрятался за камнем и стал ждать, когда мисс Харкнесс пройдет мимо. Потом сел на велосипед и поехал обратно в коттедж.

Постепенно Рики становился в пабе *персона грата*. Ему даже сказали «добрый вечер» и отнеслись особенно тепло, когда он в честь того, что сегодня удалось хорошо поработать, заказал всем выпить. Билл Прентис – водитель рыбного фургона, предложил подвезти его до Маунтджоя, когда он

пожелает. Условились о поездке завтра же утром. И тут в паб вошла мисс Харкнесс.

Посетители заерзали на стульях и принялись обмениваться едва заметными ухмылками. Мисс Харкнесс заказала рюмку портвейна. Феррант, стоявший у стойки бара в своей излюбленной позе, оглядел ее, бросил какую-то фразу и гоготнул. Она слегка улыбнулась. Рики отметил про себя, что в «Треске и бутылке» не нашлось ни одного мужчины, который не обратил бы внимания на мисс Харкнесс. Очевидно, этого она и добивалась.

Рано утром Рики привязал велосипед к крыше фургона и взобрался на переднее сиденье. Он был несказанно удивлен, когда узнал, что вместе с ними поедет Сид Джонс. Художник уже был на месте: сгорбленная фигура в болотного цвета дождевике, с плеча свисает этюдник, в руке полиэтиленовый пакет, у ног – неподъемного вида чемодан.

– Привет, – поздоровался с ним Рики. – О, какой чемодан! В гостиницу «Маунтджой» перебираешься?

– За каким чертом мне туда перебираться?

– Ладно, ладно. Извини.

– Что-то не веселит меня твой богатейский юмор.

– Ошибочка вышла, – извинился Рики. – По вечерам я шучу лучше.

– Не сказал бы.

– Возможно, ты и прав. А вот и Билл. Куда поставишь чемодан? На крышу рядом с моим богатейским велосипедом?

– Вперед. Ноги убирай. Осторожно. – Сид не без усилий взгромоздил чемодан в кабину, запихал его под ноги Рики и взобрался сам. Благоухающий рыбой Билл Прентис сел за руль, Сид с этюдником в руках устроился с краю, а Рики оказался зажатым между ними.

Фургон, дребезжа, взобрался на склон холма, залитый солнцем, и погрохотал по дороге в Маунтджой. Настроение у Рики было превосходным.

Они проехали ворота «Лезерс» с табличкой: «Конюшни. Катание на лошадях и пони. Квалифицированные инструкторы». Рики подумалось, что, наверное, мисс Харкнесс где-то рядом.

– Ты там не каждый день бываешь? – прокричал он Сиду.

– За каким чертом мне там бывать каждый день?! – прокричал тот в ответ.

Дорога огибала густую рощу и терялась за поворотом. Билл ехал по встречной, да еще и со скоростью сорок миль в час.

Неожиданно перед фургоном возникла мисс Харкнесс на гнедой лошади. Перед лобовым стеклом промелькнули лошадиные зубы, глаза, копыта, потом брюхо и подпруга. Взвизгнули тормоза, грузовик занесло, мир накренился, и пассажирская дверца распахнулась. Сид Джонс вместе с этюдником и чемоданом вылетел наружу. Фургон еще раз качнулся и выровнялся, подняв облако пыли. Лошадь лежала на земле, ее хозяйка стояла рядом, все еще держа пово-

дья в руках. Мотор заглох, и воздух тут же наполнился ругательствами. В нестройном хоре различимы были три голоса: Билла, Сиды, но в основном – мисс Харкнесс.

Билл выключил зажигание, поставил фургон на ручной тормоз и направился к мисс Харкнесс, которая в самой грубой манере велела ему не приближаться. Не прекращая сыпать ругательствами, она помогла животному встать, проверила, может ли лошадь двигаться, и начала осторожно ее осматривать; ее большая мозолистая ладонь с необычайной нежностью скользила по дрожащим ногам и вздымающемуся брюху. Глаза у лошади были лиловые.

– Не вздумайте подходить, – процедила мисс Харкнесс. – А то не такое услышите. – Она провела лошадь по краю дороги, как можно дальше от фургона. Животное всхрапывало и норовило броситься вперед. Отойдя на значительное расстояние, мисс Харкнесс села на лошадь, и вскоре топот копыт стих вдали. Билл вновь разразился проклятиями.

Рики осторожно вылез из машины. Открытый этюдник валялся на земле – его содержимое разлетелось по траве. Застежки чемодана отстегнулись, крышка откинулась; внутри он был полон новехоньких тюбиков краски «Джером и К°». Сидя на корточках, Джонс собирал краски и складывал обратно в чемодан.

Рики наклонился ему помочь.

– Отойди! – рявкнул Сид.

– Ладно, ладно, приятель, – сказал Рики, хотя ему очень

хотелось запустить одним из тюбиков Сиду в голову. Попытившись, он нечаянно наступил на большой тюбик красной киновари, отчего крышечку сорвало, и ботинок заляпало краской.

– О, черт, прости! Прости, пожалуйста! – Рики наклонился к тюбику, но его выхватили у него из-под носа.

Сид, сидя на коленях, тряс выпачканными в красной краске руками и ругался.

– Послушай, – сказал Рики. – Я же извинился. Я заплачу за краску, а если хочешь подраться, так давай, поведем себя как два придурка. Что скажешь?

Сид продолжил собирать краски, только пробормотал «Ладно, забудь». Чувствуя себя глупо, Рики побрел к фургону, который Билл Прентис осматривал с тем же тщанием, что и мисс Харкнесс свою лошадь. Запах бензина смешивался с запахом рыбы.

– Все в порядке, – наконец сказал Билл и забрался на свое место. – Вот дура чертова, – добавил он, имея в виду мисс Харкнесс, и завел мотор.

С другой стороны к фургону подошел Сид с этюдником, который он перевязал своим ремнем. Джинсы теперь висели на нем как на вешалке.

– Погоди минутку! – крикнул художнику Билл. Он включил передачу, и фургон выкатился обратно на дорогу. Сид стоял и ждал. А когда Рики обошел машину и подошел к пассажирской дверце, он, к его несказанному удивлению, выдал

что-то вроде примирительного: «Велосипед не сломался?»»

Они уселись на свои места, и путешествие продолжилось. Слова, какими Билл все еще вспоминал мисс Харкнесс, выразительно описывали его недовольство, которое сводилось к тому, что дорога — для автомобилей, и лошадей на ней быть не должно.

— Чего она так раскричалась? С лошастью же нормально все.

— Это Мунго, — пояснил Сид. — Ее любимчик. Совершенно дикая зверюга.

— Это почему?

— Меня укусил, старика лягнул. Он хочет его пристрелить.

— А ее Мунго не трогает? — спросил Рики.

— Ее слушается. Только с другими так себя ведет.

Они доехали до единственной автозаправки между Коувом и Маунтджоем. Билл пошел заправлять фургон, попутно в исчерпывающих подробностях рассказывая заправщику об инциденте.

— Мне еще на чертов паром успеть надо, — протянул Джонс.

Рики, который до этого твердо вознамерился не заговаривать с Сидом, взглянул на наручные часы и сказал, что время еще есть.

Воцарилось неловкое молчание.

— Просто я никому не доверяю свои художественные принадлежности. Терпеть не могу, когда к ним прикасаются, по-

нимаешь? Если кто-нибудь возьмет краску из тюбика, я ею пользоваться не смогу. Для меня она будет испорчена, понимаешь?

Рики счел его слова напыщенной чепухой, однако понимающе хмыкнул, и Сид продолжил разговор, пытаясь, очевидно, таким образом извиниться за свое поведение. Из его пространной речи Рики удалось уловить только то, что Сид – некто вроде коммивояжера в «Джером и К°». Он разносит бесплатные образцы красок по художественным магазинам и мастерским известных художников, а за это ему бесплатно присылают столько красок, сколько он попросит, и еще платят небольшой процент от продаж. Он даже продемонстрировал визитку, на которой было написано: «Мистер Сидни Джонс – представитель «Джером и К°», и список художников, который ему прислали из компании. Рики совсем не удивился тому, что первым в списке стоит имя матери.

Неуклюже пытаясь быть учтивым, Сид выразил надежду, что Рики «не будет сам спрашивать ее про краски», что можно было интерпретировать, как просьбу познакомить его с Трой.

– И когда ты хочешь обходить художников из списка? – поинтересовался Рики.

Оказалось, что уже завтра, и Сид как раз направлялся в Лондон, где собирался заночевать у друзей в Баттерси⁶. В компании «Джером и К°» выразили пожелание, чтобы Сид

⁶ Район в южной части Лондона, на берегу Темзы.

вначале привел в порядок свою внешность.

– Вся эта коммерческая чушь! – скривился он. – Блевать от нее тянет.

К пристани они подъехали в половине девятого. На паром погрузили ящики с рыбой, Джонс поднялся по сходням, и Рики подождал, пока паром отчалит. Сид сначала исчез, но перед самым отплытием появился на палубе все в том же ужасном дождевике и с этюдником через плечо.

Рики приятно провел день в Маунтджое и ближе к вечеру вернулся в Коув на велосипеде.

Удивительно, но у Феррантов оказался телефон, и Рики позвонил родителям и предупредил их о грядущем визите Сидни Джонса.

Глава 3

Овраг

– Мне кажется, что он собирается свести нас с каким-то чудовищем, – сказал Аллейн.

– Наверное, считает, что будет забавно увидеть того, о ком мы столько всего слышали.

– Ладно, если только забавно.

– Всего на пару минут...

– И когда он явится?

– Думаю, с утра.

– А спорим, он останется на ланч?

Трой стояла перед Аллейном в позе, которая ему особенно нравилась – прямая спина, руки в карманах рабочей блузы, голова опущена, как у нашкодившего мальчишки, который ожидает выговора.

– И спорим, – продолжал Аллейн, – ты еще название краски выговорить не успеешь, а он уже будет показывать тебе «только одну свою работу?».

– Тогда совсем другое дело, – важно заметила Трой. – С такими я давно научилась разговаривать. Да и вообще, он заявил Рики, что я исписалась.

– Этот персонаж становится все привлекательнее.

– Странно он себя повел, когда Рики наступил на тюбик

с краской.

– Да, весьма, – согласился Аллейн после некоторого молчания. – Учитывая, что они ему достаются бесплатно.

– По выражению Рики, его прямо трясло от ярости, даже борода дергалась.

– Прелесть какая!

– Ну ладно, – внезапно посерьезнела Трой. – Пока не увидишь – не узнаешь.

– Вот именно. Все, мне пора идти. – Аллейн поцеловал жену. – Не позволяй этому Джонсу тебе надоедать. Как обычно, терпеливая моя Пенелопа, неизвестно, когда я вернусь домой. Может к ланчу, а может, вообще отправлюсь в Париж. По тому делу с наркотиками. Если что, попрошу, чтобы тебе позвонили. Хорошего дня!

– Тебе тоже, – весело отозвалась Трой.

Она рисовала деревце, видное из окна мастерской. Центром композиции была тонкая белая березка, на которой только начали распускаться листья. Выписана она была тщательно и реалистично, но в то же время представляла собой некое стилизованное изображение, которое плавно переходило в абстракцию из двух соседних деревьев. Аллейн решил, что картина, похоже, символизирует трудное расследование, где все теряется в тумане, кроме самого факта преступления.

В работе Трой продвинуться не удалось – не замедлил явиться мистер Сидни Джонс.

В его внешности не было ничего примечательного. Коротко подстриженная бородка, полные и, пожалуй, чувственные, но какие-то нечетко очерченные губы, волосы средней длины, чистые с виду. Одет он был в свитер и джинсы. О том Сиде Джонсе, которого описывал Рики, напоминали только гротескно-устрашающие темные очки. В руках он держал чемоданчик и газетный сверток.

– Здравствуйте. – Трой протянула гостю руку. – Полагаю, вы и есть Сидни Джонс? Рики звонил, предупредил, что вы приедете. Пожалуйста, садитесь.

– Это не обязательно, – пробормотал Джонс и громко шмыгнул.

Видно было, что он весь вспотел.

– Вы курите? – спросила Трой, присаживаясь на ручку кресла. – У меня сигарет нет, но если у вас есть, курите, я не возражаю.

Джонс поставил на пол чемодан, положил на него сверток и закурил сигарету. Затем снова взял сверток в руки.

– Вы хотели поговорить о красках «Джером и К°», так ведь? – спросила Трой. – Лучше сразу скажу, что переходить на них я не хочу, так что с рекламой, к сожалению, помочь не смогу. Да и вообще я таким не занимаюсь. Извините. – Она подождала ответа, однако Джонс молчал. – Рик говорил, вы рисуете...

Жестом, таким резким, что Трой подскочила, Джонс сунул ей сверток. Газета развернулась – внутри оказались три

связанные вместе картины.

– Ваши?

Джонс кивнул.

– Хотите, чтобы я на них взглянула?

Он что-то буркнул под нос.

Сердитая из-за того, что ее напугали, Трой разозлилась:

– Бога ради, скажите что-нибудь, иначе меня не покинет ощущение, будто я разговариваю сама с собой. Поставьте их так, чтобы я могла их рассмотреть.

Дрожащими руками Джонс по очереди показал ей работы. Первой шла большая картина, которая показалась Рики абстрактным изображением Леды и Лебедя. Вторая представляла собой калейдоскопическое нагромождение фигур в темно-коричневых и ярко-голубых тонах. Третья – пейзаж, более презентабельный, чем остальные картины: дома с черными, зияющими пустотой окнами, над темной рекой. «Понимание фактуры есть, однако написано довольно небрежно», – подумала Трой.

– Знакомый пейзаж, – заметила она. – Это ведь Сен-Пьер-де-Рош в Нормандии?

– Угу, – подтвердил Джонс.

– Ближайший к вашему острову французский порт? Часто там бываете?

– А-а... да, – ответил Джонс, переминаясь с ноги на ногу. – Это место меня вдохновляет. Или вдохновляло. Мне надоело его писать.

– Неужели?

Возникла долгая пауза.

– А покажите еще раз первую, – попросила Трой. – «Ле-
ду».

Джонс показал.

– Что ж. – Трой помолчала. – Сказать вам, что я думаю?
Или не надо?

– Ну, можно, – пробормотал Джонс и широко зевнул.

– Как скажете. Невозможно предугадать, станете вы хо-
рошим художником или нет. Все три вещи не оригинальны.
Пока вы молоды, это нормально; если приложите усилия и
проявите настойчивость, то со временем выработаете соб-
ственную манеру. Пока что не вижу, чтобы вы особенно ста-
рались. В «Леде» что-то есть – похоже, у вас хорошее чув-
ство ритма. А еще... – Трой строго на него посмотрела. – Вы
наркотиками не балуетесь?

– Нет! – громко ответил Джонс после очень долгой паузы.

– Хорошо. Я спросила только потому, что у вас дрожат
руки, и ведете вы себя суетливо... – Она осеклась. – Погоди-
те-ка, вам нехорошо. Сядьте. Нет, правда, садитесь.

Джонс сел. Его трясло, шея вспотела, а лицо приобрело
оттенок очищенного банана. Темные очки перекосились на
переносице. С шумом втягивая воздух и облизывая губы, он
поправил их дрожащей рукой, и они свалились у него с носа,
открыв бесцветные невыразительные глаза. В мистере Джон-
се не осталось ничего таинственного.

- Я в порядке, – выдавил он.
- Не похоже, – возразила Трой.
- Праздник. Вчера отмечал.
- Какой?
- Ну, веселый.
- Вижу.
- Со мной все нормально.

Трой сделала ему крепкий кофе, а сама вернулась к работе. Бесплотные деревья еще теснее окружили одинокую березу посередине.

Когда в четверть второго Аллейн вошел в мастерскую, то увидел такую картину: его жена работала, а в кресле полулежал молодой человек и жадно наблюдал за ее работой.

– О, привет дорогой! – воскликнула Трой, махнув Аллейну кистью, и пристально на него посмотрела. – Сид, это мой муж. Рори, это друг Рики, Сид Джонс. Он показал мне свои работы и останется на ланч.

– Хорошо! – сказал Аллейн, пожимая тому руку. – Какая приятная *неожиданность*!

II

Через три дня после вылазки Рики в Маунтджой, ближе к обеду, ему позвонила Джулия Фарамонд. От волнения Рики не сразу понял, что она говорит.

– Вы ведь катаетесь верхом?

– Совсем чуть-чуть.

– Хотя бы не падаете с лошади?

– Бывает, но нечасто, – пошутил Рики.

– Ну, вот и славно. Значит, договорились.

– О чем?

– У меня есть планы на завтра. Возьмем пару кляч у Харкнессов и прокатимся в Бон-Аккорд.

– У меня нет с собой нужной экипировки.

– Джаспер одолжит все, что пожелаете. Я решила позвонить вам, пока его нет дома, иначе скажет, что из-за меня вы отложили работу. Вы ведь не отложите?

– Отложу. Причем с радостью, – сказал Рики и услышал знакомый смех, похожий на лопающиеся пузырьки.

– В общем, решено, – подытожила Джулия. – С утра пораньше садитесь на велосипед и приезжайте в Л’Эсперанс завтракать, а после все поедem в конюшни. Будет весело!

– А мисс Харкнесс поедет?

– Что вы, нет! Она может потерять ребенка!

– Тем не менее она не боится рисковать, – заметил Рики и рассказал о происшествии на дороге в Маунтджой.

Слушая его, Джулия то и дело увлеченно охала и ахала.

– Отчего вы сразу не позвонили нам?!

– Вы же сказали, что вам наскучили разговоры о ней.

– Нет, мне снова стало интересно. Значит, она вернулась в «Лезерс» и помирилась с мистером Харкнессом?

– Понятия не имею.

– Но вы же должны были это понять или *догадаться*.

– Как?

– По ее словам.

– Я слышал исключительно ругательства.

– Жду не дождусь, когда сама увижу ее в «Лезерс». А мистер Джонс будет выгребать навоз, как обычно?

– Он недавно уехал в Лондон.

– В Лондон? Зачем?

– В частности, чтобы встретиться с моими родителями.

– Нет, вы решительно невозможны. *Столько* всего интересного произошло, а вы молчите!

– Обещаю все рассказать. Я, кстати, совсем не уверен, что она и Сид Джонс влюблены друг в друга.

– О, предоставьте судить мне... Ну вот, Джаспер идет, сейчас признаюсь ему, что я сбила вас с пути истинного. Прощайте!

– И это чистая правда!

Он услышал, как она засмеялась, и повесил трубку.

Наступило утро, обещающее прекрасный день, и в половине десятого Рики, одетый в бриджи и ботинки Джаспера и джемпер, связанный миссис Феррант, предложил сфотографировать всех Фарамондов, включая специально позванных для этого малышей. Фарамондам явно нравилось позировать, особенно Луи, который выглядел чрезвычайно импозантно в бриджах, сапогах, жокейской куртке и перчатках.

– Луи, дорогой, – сказала Джулия, оглядывая его. – Ты

шикарен до неприличия. Не хватает только клюшки для поло!

– Не понимаю, как это у него получается, – поддакнула ей Карлотта. – Всегда выглядит как с иголки.

Рики подумалось, что, пожалуй, единственное, по поводу чего Луи нельзя сделать комплимент, – это его лицо. Легкий загар выглядел искусственно и призван был создавать впечатление цветущего здоровья, которое на самом деле было подорвано разгульным образом жизни.

– Я купил этот костюм в Акапулько восемь лет назад, – пояснил Луи.

– Помню. У свергнутого принца, который оставил все свои деньги на столах, покрытых зеленым сукном.

– А мне помнится, что у какого-то бывшего гангстера, хотя я могу и ошибаться, – сказала Карлотта.

Селина, которая исчерпала свой репертуар уловок, тщетно пытаясь обратить на себя внимание взрослых, неожиданно повисла на руке Луи, задргала ногами и радостно завизжала.

– Ты маленькое чудовище. Чуть пуговицу не оторвала, – нахмурился он, осматривая свой рукав.

Селина невозмутимо отошла.

– Ну, давайте, Рики наконец нас сфотографирует, и поедem, – предложил Бруно.

– Изобразим сливки общества! – объявила Джулия. Она уселась в кресло-качалку, изящно положив ногу на ногу, и

картинно закинула руку над головой.

Джаспер тут же поднес ее руку к губам.

– Мадам, вы очаровательны, нет, просто неотразимы сегодня утром.

Селина высунула язык. Бруно с нетерпеливым видом замер.

– Спасибо, готово, – поблагодарил всех Рики.

После фотографирования они погрузились в автомобиль Луи и поехали в «Лезерс».

Длинная улица вела к уродливому викторианскому особняку, позади которого располагались сами конюшни, а за ними, на некотором расстоянии от остальных зданий – старый амбар.

– Тише! – театрально воскликнула Джулия. – Слушайте! Луи, остановись.

– Зачем? – удивился Луи, но машину остановил.

Где-то за домом мужской голос выкрикивал проклятия.

– Боже мой! Мистер Харкнесс снова не в духе.

– Ну и что нам делать? – спросила Карлотта. – Попробовать незаметно улизнуть?

– Да ладно вам, – поморщился Джаспер. – Может, лошадь ругает или того же мистера Джонса.

– Рики сказал, что мистер Джонс в Лондоне.

– Был, – поправил Рики.

– Нет уж, я не намерен отказываться от удовольствия прокатиться верхом, – заявил Бруно. – Поехали, Луи.

– Подожди, Бруно. Тише.

Луи открыл окно. Теперь отчетливо слышался и женский голос:

– И если я, черт побери, хочу прыгнуть через эту чертову изгородь, я, черт побери, прыгну и прыгну на Мунго, клянусь!

– Исчадие ада! Бог тебя накажет!

– И не смей поднимать на меня руку, я беременна! – вопила мисс Харкнесс.

– Потаскуха!

– Заткнись!

– Девка гулящая!

– Да пошел ты!

– Давай же, поезжай, Луи, – сурово сказала Карлотта. – Увидят нас – сразу перестанут ругаться. До чего же все это неприятно...

– Все согласны?

Машина въехала во двор. Взорам всей компании представили шесть денников, над дверцей каждого из которых висела лошадиная голова в уздечке, а по бокам от них располагались сбруйный сарай и каретник. В нем стоял маленький автомобильчик, а на полу были разбросаны мотки ржавой проволоки, старая экипировка, инструменты и пустые мешки. Среди всех этих вещей стоял крупный краснолицый мужчина с густыми бакенбардами. Он возвышался над стоящей перед ним мисс Харкнесс, которая глядела на него с выраже-

нием крайнего презрения.

– Только тронь меня, и я вызову полицию!

Мистер Харкнесс, поскольку это, разумеется, был он, стоял спиной к въехавшему во двор автомобилю. Заметив, что лицо племянницы вытянулось, он обернулся и остолбенел.

Его тон и манера поведения моментально изменились. Широко улыбаясь, он пошел навстречу гостям.

– Доброе утречко. Все уже готово. Шесть самых лучших лошадей! – прокричал мистер Харкнесс. Он открыл дверцу машины, протянул каждой из дам веснушчатую ручищу, поросшую светлыми волосами, и, весело смеясь, препроводил гостей на другой конец двора.

– Дульси их сюда вывела заранее, – сообщил он.

Джулия одарила мистера Харкнесса ослепительной улыбкой, к его очевидному изумлению, и весело попеняла мисс Харкнесс за то, что она тогда неожиданно уехала от них.

– Джонс! – крикнул мистер Харкнесс.

Из дверей сбруйного сарая выскользнул Сид Джонс и, бросив косой взгляд на Рики, подошел к денникам.

Джулия протянула ему руку, пояснив мистеру Харкнессу, что они с Сидом давние друзья. При этом было непонятно, кто из двух мужчин больше смутился.

Сид вывел первую лошадь – гнедого коня, ростом в шестнадцать ладоней⁷, и мисс Харкнесс выразила уверенность,

⁷ Традиционная единица измерения роста лошадей, 16 ладоней – примерно 160 см.

что он прекрасно подойдет Джасперу. Тот забрался в седло и проехал круг по двору. Другие последовали его примеру. Джулия восседала на красивой серой кобыле. Теперь Рики стало окончательно ясно, что Фарамонды – прирожденные наездники. Ему же дали рыжего мерина, который, по выражению мисс Харкнесс, показывает себя с лучшей стороны, когда с ним обращаются ласково. Рики пустил мерина шагом, потом трусцой, надеясь, что это достаточно ласковое обращение.

Бруно досталась резвая медно-рыжая кобылка, которая, по словам хозяев, могла легко нести на спине восьмидесятикилограммового всадника в скачках с препятствиями.

– Вы хотели приятную прогулку, – сказал мистер Харкнесс Бруно. – Вы ее получите. Ну, управитесь с лошадкой?

Бруно важно ответил, что справится. Будучи явно не прочь покрасоваться, он поехал на небольшой выгон, где были установлены три барьера, направил лошадь на них, и та грациозно преодолела препятствия. Рики с неудовольствием почувствовал, что конь под ним загарцевал.

– Ну-ка перестань, – пробормотал он.

С ним поравнялась Джулия; судя по выражению ее лица, она явно наслаждалась происходящим.

– Рики! – она слегка наклонилась к нему. – Побаиваетесь?

– Побаиваюсь?! – воскликнул он. – Да я в ужасе! Ну вот, сейчас вы станете надо мной смеяться, – добавил молодой человек, слыша, как закипает пузырьками ее смех.

– Постараюсь не засмеяться, если вы упадете. Да вы же сидите в седле как влитой!

– Увы, нет.

– Ну, почти... Да что ж такое? Опять он за свое.

Мистер Харкнесс вновь грозно ругался, но на этот раз его гнев был обращен на Бруно. Выгон спускался по отлогому склону холма к полю, от которого его отделяла густая и довольно высокая изгородь из терна. Бруно направил лошадь к прогалу в изгороди; животное ретиво вскинулось, как обычно делают лошади перед прыжком.

– Нет, стой! Нельзя! Сюда! Вернись! – закричала мисс Харкнесс. – И потом обернулась к Джасперу: – Скажите ему, чтоб вернулся. Он шею себе сломает. И лошадь убьет. Остановите его!

Фарамонды закричали, однако Бруно ударил лошадь пятками в бока, кобыла оторвалась от земли – в воздухе мелькнули копыта – и исчезла между кустов. Спустя мгновение, показавшееся вечностью, послышался глухой удар и затихающий стук копыт.

Мистер Харкнесс бежал по выгону к изгороди. Джаспер проскакал мимо него, и тут на склоне холма по другую сторону изгороди возник Бруно, осаживающий гарцующую лошадь. Чуть поодаль на склоне резвился, то подбегая к изгороди, то удаляясь от нее, одинокий конь.

Бруно торжествующе помахал всем рукой.

– Ну, позер мелкий! – негодуя сказала Джулия, подь-

ехавшая к Рики. — Доберусь я до него.

Мистер Харкнесс яростно голосил, приказывая Бруно вернуться к остальным через калитку. Фарамонды собрались вокруг Джулии и Рики.

— Мне стыдно за Бруно, — сказал Джаспер.

— А что там, на другой стороне? — спросила Карлотта.

— Глубокий и широкий овраг. Но Харкнессы дружно уверяли, что этой кобыле все нипочем.

— А Бруно все же молодец.

— Перепугал только всех и продемонстрировал замашки свои фиглярские.

— Да ладно тебе, — сказала Джулия и, склонившись в седле, погладила руку мужа.

Рики неожиданно почувствовал себя очень несчастным.

Фарамонды с сердитыми лицами ожидали нашкодившего Бруно, а мистер Харкнесс хвалил за смелость Рыжуху — такое было прозвище у этой выдающейся кобылки. Еще он позволил себе ряд угрожающих намеков на то, какие шаги он предпринял бы, если бы Рыжуха сломала ногу и ее пришлось бы усыпить.

Когда Бруно, неловко улыбаясь, вернулся на лошади во двор конюшни, мисс Харкнесс, про которую все уже позабыли, внезапно странно себя повела.

Сначала она злобно посмотрела куда-то поверх двери пустого денника. Потом щелкнула по ней хлыстом, с которым, похоже, вообще никогда не расставалась, и торжествующе

вскричала:

– Так тебе, так тебе, старый хрыч! Она, черт подери, прыгнула, так что накося-выкуси!

Мистер Харкнесс молча кинул на племянницу гневный взгляд. Джаспер, Карлотта и Луи что-то неслышно выговаривали Бруно, который неохотно слез с лошади. Сидя Джонса нигде не было видно.

– Надо подружить Бруно с Дульси, у них, похоже, много общего, – сказала Джулия Рики. – Что вы ему там говорили? – обратилась она к подошедшему к ней мужу.

– Что ему дадут другую лошадь.

– Но дорогой!..

– Ему еще надо учиться ездить верхом, милая. Да Харкнесс и сам не даст ему больше эту кобылу после такой выходки.

– Надо признать, он прекрасно с ней управился.

– Ему не велено было прыгать.

Откуда-то вдруг появился Джонс, увел кобылу, а потом вернулся, ведя под уздцы лошадь, больше похожую на пожилого поло-пони. Бруно посмотрел на него с явным отвращением.

Инцидент был исчерпан. Проществовав мимо своего дяди, Дульси энергично пожала руку надувшемуся Бруно, удалилась в дом и захлопнула за собой дверь.

– Дульси склонна слишком остро на все реагировать, – сказал мистер Харкнесс.

– Отважная она девушка, – заметила Джулия. – Карлотта, дорогая, не пора ли нам выдвигаться? Все, мальчики, вперед.

Однако их ждал еще один сюрприз. Со странной, почти смущенной улыбкой мистер Харкнесс приблизился к Джулии и протянул ей какой-то конверт.

– Одно небольшое дельце, личное, – пояснил он. – До вечера. Хорошего дня.

– И что это может быть? – спросила Джулия, когда они выехали со двора.

– Уж не счет точно, – сказала Карлотта. – Иначе он так не сказал бы.

– Ну, не знаю. Может, и счет. – Джулия извлекла из конверта какую-то брошюрку и принялась ее изучать. – Не может быть! – воскликнула она, оторвавшись от чтения и обведя всех недоуменным взглядом. – Не может такого быть!

– Чего не может быть? – раздраженно спросила Карлотта. – Давай уже говори, Джулия.

Джулия отдала брошюрку Рики.

– Читайте вы, – попросила она. – Вслух.

– ЗНАЙТЕ ЖЕ, что вам грозит ГЕЕННА ОГНЕННАЯ! – прочел Рики. – СУДНЫЙ ДЕНЬ ГРЯДЕТ! ГОРЕ ВОЗВЕЩАЕТ ПРОРОК! Так СТОЙТЕ ЖЕ, СТОЙТЕ, ОСТАНОВИТЕСЬ!

– Похоже, сам это сочинил, – перебила его Джулия.

– Почему?

– Он как будто обращается к лошадям. Стойте, стойте!

– Дальше все в том же духе, – подытожил Рики, переворачивая страницу. – Про конец света и грехи наши тяжкие. А погодите-ка... Вот еще, слушайте.

– Что?

– Сим вы приглашаетесь на собрания «Избранных братьев», которые проходят в конюшне «Лезерс» по воскресеньям в семь тридцать вечера. Председательствует брат Касберт (Кас) Харкнесс. Лекция, обсуждение, легкий ужин. С джентльмена – пятьдесят пенсов, с дамы – корзинка с едой.

– Так, так, – сказал Джаспер, помолчав. – Это все объясняет, да?

– Похоже на то, – сказала Джулия неуверенно. – Мистер Харкнесс, к которому следует обращаться не иначе как «брат Кас»...

– То есть?

– Он явно религиозный фанатик, потому так и воспринял беременность мисс Харкнесс.

– Ну, разумеется. У таких ведь ужасно строгое к этому отношение, – согласился Джаспер.

– Интересно, что они делают на своих собраниях. Было бы забавно взглянуть.

– Ничего забавного, Джулия, – усмехнулся Луи. – Все строго, женщин без еды вон вообще не пускают.

– Поехали уже, – с нетерпением воскликнула Карлотта. – Мистера Харкнесса можно и потом обсудить. Там за углом тропа, вся утопает в зелени!

Фарамонды и Рики поехали вверх по склону. Какое-то время цепочка всадников тянулась по вершине холма, являя собой живописное зрелище на фоне величественных облаков. Потом тропа нырнула в долину, и всадники скрылись из виду.

III

Обедали они в маленьком пабе в Бон-Аккорде на северной оконечности острова. Паб, который назывался «Приют рыбака» действительно был полон посетителей в гернсийских свитерах⁸ и резиновых сапогах, и там пахло рыбой. Хозяин паба оказался кузеном Боба Мэйстра из «Трески и бутылки».

Джаспер угостил всех присутствующих выпивкой, а Джулия принялась расспрашивать мужчин о тонкостях рыбной ловли в открытом море. Далее она перевела разговор на мистера Харкнесса, тем самым вызвав поток откровений, которые Луи позже назвал «деревенскими сплетнями».

– Когда Кас Харкнесс только переехал сюда, довольно разумный был парень, – рассказал хозяин паба. – Тренер по выездке, что ли, в кавалерии служил. А потом на почве религии тронулся.

⁸ Гернсийский свитер – вид вязаной одежды, возникший на Гернси – острове в составе Нормандских островов. Первоначально гернсийские свитера носили в основном рыбаки и моряки.

– Да, нормальный был, пока на святости не свихнулся, – добавил кто-то. – Все про геенну огненную твердит.

– Мисс Харкнесс тоже ходит на собрания? – спросил Луи, и Рики заметил, что упоминание ее имени вызвало ухмылки и косые взгляды.

– Дульси? – выпалил кто-то, будто одно это имя уже говорило о многом. – Вы про нее?

Кругом послышались приглушенные смешки.

– У нее поинтереснее занятия есть, – заключил хозяин паба, чем вызвал новый приступ всеобщего оживления.

– Та еще девица, да? – непринужденно спросил Луи, проводя бледной ладонью по своей жокейской шапочке из лаковой кожи. – Правда, я сам-то не знаю.

Когда Карлотта и Джулия вышли на улицу, Рики присоединился к ним.

– Да уж, надеюсь, не знает, – сказала Карлотта.

– Ты про кого, про Луи? – переспросила Джулия.

– Ну да. Про него. Про моего мужа. Нам не пора? – Она улыбнулась Рики. – Вот такое у нас веселое семейство. Так ведь, Джулия?

– Да уж, – отозвалась та. – По коням! Где Бруно?

– С ними, наверное. Все еще дуется.

Бруно перестал обижаться, когда все пустились наперегонки по полю. У Рики застучала кровь в висках и заболела поясница. Когда группа подтянулась к концу поля, Луи неожиданно издал короткий стон, потом вдруг спешил и

запрыгал на левой ноге.

– Нога затекла? – спросил Джаспер.

– А ты думаешь, я в классики решил поиграть? Придется снять этот чертов сапог, – стонал Луи. – Эй, Бруно!

Бруно быстро стянул с него сапог. Луи принялся массировать ногу, кривясь от боли. Потом встал и, прихрамывая, прошелся.

– Нет, плохо. Придется вернуться.

– Я поеду с тобой, – предложила его жена.

– Не надо. – С сапогом в руке Луи забрался в седло. Правую ногу он не поставил в стремя, а свободно свесил и стал ждать остальных, сдерживая лошадь, которой явно не терпелось рвануть с места.

– Доедешь? – спросил Джаспер.

– Да, если вы все наконец-то тронетесь. – Луи повернул лошадь и поехал обратно по полю.

– Оставь его, – сказала Карлотта. – Рассердится только. Сам знает, что делает.

Несмотря на усиливающуюся боль от сидения в седле, Рики прекрасно провел остальную часть прогулки. В Коув они возвращались по окружным тропам, и солнце стояло далеко на западе, когда с очередного холма неожиданно открылся вид на Л'Эсперанс – одинокий особняк очень романтично смотрелся на фоне закатного неба.

– Ах, посмотри на наш прекрасный дом! – воскликнула Джулия и запела испанскую песню, а остальные Фарамонды

к ней присоединились. Они пели всю дорогу до «Лезерс».

– Интересно, Луи уехал или ждет нас? – спросил Бруно.

– Заждался бы, – заметил Джаспер.

– Пешком домой идет, наверное, – сказала Карлотта. – Если нога затекла, полезно пройтись.

Они завернули за дом и въехали во двор. Автомобиль стоял там же, где Луи его оставил. Внутри никого не было.

– Точно пешком пошел, – заключил Джаспер. – Мы его догоним.

Во дворе было пусто. Кругом стояла тишина.

– Сейчас найду кого-нибудь, – пообещал Джаспер. Он отвел лошадь в конюшню и отправился на поиски.

Уже забывшему про нагоняй Бруно теперь явно хотелось похвастаться своей недавней выходкой.

– Джулия, иди посмотри, как я прыгаю. Рики, пойдешь? И Карлотта тоже. Все идемте!

– Если мы и пойдем, это не означает, что мы одобряем такое поведение, – строго сказала Джулия. – Ну что, посмотрим? – обратилась она к Рики и Карлотте. – Я бы взглянула.

Они направили усталых лошадей к выгону, а потом спустились по склону холма. Около терновой изгороди их накрыло тенью, в воздухе почувствовался холодок.

Рики ощутил, как вздымаются бока мерина. Тот заржал, подняв голову, и встал на дыбы.

– Эй! – воскликнул Рики. – Да что с тобой?!

Мерин опустился на землю и загарцевал. Откуда-то из-

за изгороди на дальнем склоне холма послышалось ответное ржание.

Джулии тоже пришлось утихомиривать свою лошадь. Она направила ее к прогалу в изгороди, через который недавно прыгнул Бруно. Едва завернув в прогал, лошадь вдруг фыркнула и встала как вкопанная, вся дрожа. Джулия наклонилась в седле и похлопала ее по шее. Потом заглянула за изгородь. Рука в перчатке сжала поводья. На мгновение Джулия замерла, а когда повернулась к Рики, он в жизни не видел такого бледного лица.

– Да что такое с лошадьми? – произнесла Карлотта у него за спиной. – Джулия, что там?

– Рики, – произнесла Джулия не своим голосом. – Отдай лошадь Бруно и подойди сюда. Бруно, отведи Карлотту и лошадей обратно во двор и оставайся там. Карлотта, делай так, как я сказала. Быстрее. И найди Джаспера, скажи ему, чтобы немедленно шел сюда.

Все последовали ее указаниям. Рики подошел к спешившейся Джулии.

– Посмотрите, – произнесла она. – Там, внизу. Там.

Рики заглянул в прогал. Внизу в темноте блестела грязная вода. Берег оврага был изрезан скользкими тропками. Кругом стояла мертвая тишина. А в грязной канаве лежал мертвый человек – руки и ноги вывернуты под неестественными углами, во рту грязь, остекленевший взгляд широко раскрытых глаз устремлен в никуда. По склону холма бродила, при-

храмывая, оседланная лошадь и беспорядочно пощипывала траву. Иногда она поднимала голову и тихо ржала. Сверху ей вторил Мунго – конь с лиловыми глазами.

IV

– Говорил я ей, – всхлипывал мистер Харкнесс. – Сколько раз говорил не прыгать. Увещевал всячески. Даже руку на нее поднял ради ее же блага... И все равно ведь не послушалась! Гордыня ее обуревала, вот Господь и наказал за грехи. – Он принялся тереть глаза, как ребенок, потом сердито огляделся по сторонам и неожиданно взревел: – Где Джонс?!

– Похоже, здесь его нет, – решила ответить Джулия.

– Прячется где-то. Это все он. Он ее убил.

– Джонс?! – воскликнула Карлотта. – Убил?!

– Я же велел ему к кузнецу с ней пойти, переднюю правую переподковать. Если бы он сделал, как велено, Дульси бы тут вовсе не было. Я специально ему велел увести ее отсюда.

Джулия и Карлотта беспомощно что-то забормотали. Бруно пнул распахнутую дверь денника. Рики замутило. Из дома доносился голос Джаспера – он разговаривал с кем-то по телефону.

– Что он делает? – спросил мистер Харкнесс. – С кем это он? Что он им говорит?

– Врача вызывает, – пояснила Джулия. – И карету «Скорой помощи».

– А ветеринара? – требовательно спросил мистер Харкнесс. – Ветеринара вызвал? Боба Блэкера? Она ногу, наверное, сломала, усыпить придется. Об этом вы не подумали? Она лежит там в таком ужасном виде. Кому-нибудь глаза ей закрыть надо. Я сам не могу, но кто-то же должен.

Рики, к своему ужасу, ощутил, как в горле поднимается крик. Мистер Харкнесс все продолжал бормотать и всхлипывать. Почти невозможно было определить, когда он говорит о племяннице, а когда о лошади.

– А другие лошади что? – причитал он. – Их расседлать надо, помыть, накормить. Она согрешила. Перед Богом согрешила! За такое в ад попадают. Скорее всего. Так что с лошадьми?

– Бруно, – сказала Джулия. – Займешься?

Бруно с явным облегчением направился в ближайший денник. Оттуда почти сразу донеслись успокаивающе-обыденные звуки конюшни: фыркнула лошадь, переступая копытами, упало на землю переброшенное через дверцу седло, что-то железное ударилось о дерево.

Сам мистер Харкнесс нырнул в соседний денник так неожиданно, что там раздался топот копыт.

– Спокойно, девочка, – успокаивал он серую лошадку, прерывая свои слова всхлипами. – Стой спокойно.

– Как ужасно, – вздохнула Джулия. – Что же делать?

– Ничего, – ответила Карлотта.

– Может, принести ему выпить? – спросил Рики. – Бренди

или еще что-нибудь?

– Он, должно быть, не пьет – страшится геенны огненной, – предположила Джулия. – А если выпьет, вдруг его совсем развезет?

– Наверное, стоит попытаться. – Зайдя в дом с черного хода, Рики пошел на голос Джаспера и обнаружил его у телефона в кабинете, где мистер Харкнесс, очевидно, вел бухгалтерию.

– Да, благодарю вас. Сразу, как только сможете, пожалуйста. – Джаспер положил трубку. – Что теперь делать? Как он?

– Бормочет, будто не в себе. Но сейчас в конюшне, занялся лошадьми. Дамы решили предложить ему глоток чего-нибудь крепкого.

– Вряд ли мы что-нибудь найдем.

– Поищем?

– Не знаю. А надо ли? Вдруг он совсем от этого голову потеряет?

– Да, мы тоже подумали, что такое может случиться, – кивнул Рики.

Джаспер оглядел комнату и направился к маленькому угловому буфету. Чуть поколебавшись, он открыл дверцу и тут же наткнулся на листок бумаги с нарисованным на нем красными чернилами черепом с костями. Рисунок сопровождала следующая надпись:

ОСТЕРЕГИСЬ! Не то попадешь прямиком в ад!!!

Все это было прикреплено к бутылке виски.

– И что нам теперь делать?

– Понятия не имею. Но я знаю, что делать мне, – мрачно усмехнулся Джаспер. Он открутил крышечку и приложился к бутылке. – Как раз то, что нужно, – выдохнул он и предложил бутылку Рики.

– Нет, спасибо. И так мутит.

– Кто как реагирует, – ответил Джаспер, вытирая рот и ставя бутылку обратно в буфет. – Врач едет. Ветеринар тоже. – Он показал список номеров на листке над телефоном. – И карета «Скорой помощи». И каждый из них сказал, что ее нельзя трогать.

– Понятно.

– Ветеринар имел в виду лошадь, конечно.

– Разумеется.

– Боже мой. Как это ужасно!

– Ужасно.

– Пойдем к остальным?

– Да.

Они вернулись в конюшню. Бруно и мистер Харкнесс все еще были в денниках, откуда слышалось лошадиное чавканье и фыркание.

Джаспер обнял жену за плечи.

– Ты как?

– Ничего. Ты выпил.

– Хочешь?

– Нет.

– Где Бруно?

Джулия кивнула в сторону денников.

– Идите-ка сюда, – сказала она и подвела Джаспера и Рики к автомобилю.

На водительском месте сидела Карлотта и курила.

– Послушайте, – сказала Джулия. – Я насчет Бруно. Вы, конечно, понимаете, что он думает?

– Что?

– Что это его вина. Он прыгнул первым, и она решила, что тоже сможет.

– Даже если так, он не виноват.

– Я говорю то же самое, – вставила Карлотта.

– Постарайтесь его убедить! Ему не велели прыгать, а он не послушался, и вот что из этого вышло. Так думает Бруно.

– Вот дуралей.

– Да она еще до нас собиралась прыгнуть! – напомнил Рики. – И прыгнула бы.

– Вот именно, Рики, – с жаром поддержала его Джулия. – Именно так. Этой линии поведения мы и должны придерживаться с Бруно.

– Конечно, будет расследование, и этот факт всплывет, –

заметил Джаспер.

– Черт, – выругалась Карлотта.

К дому подъехал автомобиль. Из него вышел мужчина в твидовом костюме и с чемоданчиком в руке.

– Доктор Кэри? – спросил Джаспер.

– Блэкер. Я ветеринар. Где Кас? И что вообще случилось?

– Я сейчас все объясню, – сказал Джаспер.

Пока он рассказывал о происшествии, прибыл второй автомобиль, откуда тоже вышел мужчина в твидовом костюме и с чемоданчиком в руке. Это был доктор Кэри. Джаспер повторил все, что случилось.

– Где она? – спросил доктор Кэри, когда Джаспер закончил, и сразу направился к выгону.

– Когда приедет «скорая», проводите их к месту, – бросил доктор через плечо. – Харкнессом я займусь позже.

– Наверное, мне надо поговорить с Касом, – сказал ветеринар. – Ужасная трагедия. Где он?

Будто отвечая на вопрос, над дверью денника неожиданно возник мистер Харкнесс.

– Боб... Боб, она совсем охромела. Рыжуха наша, Боб. Охромела и убила Дульси.

Наконец прибыла карета «Скорой помощи».

Рики стоял в углу двора, и все происходящее казалось ему нереальным. Ветеринар куда-то отошел, и мистер Харкнесс, что-то громко ему говоря, сначала порывался последовать за ним, затем вдруг остановился и вытер рот, растерянно гля-

дя то на одну, то на другую удаляющуюся фигуру в твидовом костюме и с чемоданчиком, как будто они – часть какого-то сюрреалистического пейзажа. Потом мистер Харкнесс побежал к санитарам, которые вытаскивали из автомобиля носилки и брезентовый чехол, и попытался их остановить, отчаянно причитая. Санитары, похоже, как-то его успокоили и выслушали Джаспера, который показал им, куда идти. Мистер Харкнесс все время его перебивал и давал собственные указания.

– Там мимо не пройдешь. Сразу там прямо. Где прогал в изгороди. Я покажу. Мимо не пройдешь.

– Мы все поняли, сэр, спасибо, – ответили санитары. – Не беспокойтесь, мы найдем. – И зашагали прочь с носилками.

Мистер Харкнесс смотрел им вслед, оттягивая пальцами губу и что-то бормоча. К нему подошла Джулия, по-прежнему очень бледная.

– Мистер Харкнесс, пойдемте в дом, я сварю вам кофе покрепче, – заговорила она, как обычно, быстро и решительно. – Не ходите туда, теперь уже ничем помочь нельзя. Пойдемте. – Она взяла его под локоть, продолжая говорить, и он позволил увести себя в дом.

Карлотта осталась в машине. Джаспер пошел к ней. Бруно нигде не было видно.

Рики вдруг сообразил: что делать в такой ситуации прекрасно знает его отец. Он, как всегда, прибыл бы на полицейской машине и вновь имел бы дело со смертью, теперь

настигшей мисс Харкнесс, и размышлял бы над зрелищем, от воспоминаний о котором Рики сразу становилось дурно. Аллейн не обсуждал работу с семьей, однако Рики, который очень любил отца, в душе часто удивлялся, как такой утонченный человек мог выбрать такую профессию. «Нет, я, наверное, спятил, – сказал он себе. – Думаю о произошедшем так, будто это не чертов несчастный случай, а преступление».

Джулия вышла из дома.

– Сидит в гостиной, – сообщила она. – Пьет растворимый кофе, в который я влила изрядное количество шотландского виски. Не знаю, учуял ли он спиртное и делает вид, что нет, или просто находится в таком состоянии, что ничего не замечает.

Послышался шорох шин по гравию, и из-за дома показался полицейский на велосипеде.

– Всем добрый вечер, – прокричал он, слезая с велосипеда. – Что тут у вас случилось?

Джулия поспешила к нему, протягивая руку.

– Вы это сказали! – вскричала она. – Вы правда это сказали! Это же просто чудесно!

– Простите, мадам? – переспросил полицейский, оглядывая ее с ног до головы.

– Я думала, это только в анекдоте полицейский приезжает и спрашивает: «Что тут у вас случилось» – и еще говорит: «Всем добрый вечер».

– А почему бы и не сказать? – удивился полицейский.

– Нет, можно, конечно, – кивнула Джулия.

– У моей жены сильный шок, – вмешался Джаспер. – Она нашла тело.

– Да, верно, – произнесла Джулия дрожащим голосом. – Меня зовут Джулия Фарамонд, я обнаружила труп и поэтому немного не в себе.

Полицейский расправил брюки и, достав из кармана блокнот, что-то быстро записал.

– Да, очень-очень прискорбно. Значит, вы миссис Джулия Фарамонд из Л’Эсперанс... Это вы звонили в участок, сэр? – обратился он к Джасперу.

– Нет, полагаю, вам звонил доктор Кэри. А я позвонил ему. Или, возможно, из «Скорой помощи» сообщили.

– Ясно, сэр. Я так понимаю, мы имеем дело с летальным исходом. Падение с лошади?

Все дружно кивнули.

– Прискорбно, – повторил сержант. – Мне следует приступить к осмотру места происшествия.

Джаспер снова показал, куда идти. Вслед за предшественниками сержант направился в сторону выгона и изгороди.

– Ты бы тоже выпила кофе с виски, дорогая, – сказал Джаспер.

– Я глотнула немножко между делом. Сама не пойму, почему я так с сержантом себя повела. Так неучтиво! Пожалуй, ты прав, это из-за того, что я видела. – Джулия разразилась

то ли рыданиями, то ли смехом.

Джаспер обнял ее.

– Надо увести ее отсюда, – он посмотрел на Рики, потом на Карлотту.

– Почему бы нам всем просто не уйти? Какой от нас тут толк?

– Мы не можем оставить мистера Харкнесса, – всхлипывала Джулия мужу в куртку. – Кто знает, что взбредет ему в голову. Кроме того, сержант захочет, чтобы я дала показания, и Рики тоже, наверное. Это очень важно, так ведь, Рики? Взять показания на месте преступления.

– Какого преступления?! – воскликнула Карлотта. – Ты что, с ума сошла, Джулия?

– А где Бруно? – спросил Джаспер.

– Ушел в сторонку, его тошнит, – сказала Карлотта. – Сейчас вернется.

Джаспер усадил Джулию на заднее сиденье автомобиля и какое-то время стоял с ней рядом. Вернувшийся Бруно, на котором лица не было, не проронил ни слова. Безлюдный пейзаж перед ними наконец стал оживать. Сначала на дороге у дальней стороны изгороди показался ветеринар, ведущий под уздцы рыжую лошадь; ее голова и твидовая кепка ветеринара то появлялись, то исчезали за изгородью. Потом сквозь прогал, частично скрытый кустами терна, стало видно, что из оврага что-то подняли, вернее, вытянули на берег. Это были носилки с мисс Харкнесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.